

Елена Лучик

ОГНЕННЫЙ ВСАДНИК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елена Лучик

Огненный всадник

«Автор»

2026

Лучик Е.

Огненный всадник / Е. Лучик — «Автор», 2026

Полгода назад «Пепельные клинки » под командованием огненного всадника Деймона Блэквуда отправились на задание, с которого не возвращаются. Их цель — древние драконьи яйца, скрытые в Запретных пещерах. Но отряд попал в ловушку. Когда взрывная волна рассеяла пепел, выжил только Деймон. Теперь он — единственный свидетель, на которого ведут охоту инквизиторы. Чтобы найти того, кто продал его отряд тeneвым бойцам, Деймон должен вспомнить каждую секунду того дня. Но что, если предатель, тот кому он доверял.

© Лучик Е., 2026

© Автор, 2026

Елена Лучик

Огненный всадник

Глава 1. Железо и Пепел

В Железном лесу никогда не было тихо. Кира Морриган переступила через корень, который на ощупь напоминал не дерево, а остывающую кочергу. Под сапогами хрустела багровая хвоя, рассыпаясь в мелкую медную пыль. Шестой год обучения в Академии Аркас должен был приучить её к казенным оранжереям и стерильным склянкам, но гербология профессора Вэнса требовала «живого материала». Декан сказал, что кадеты, не способные отличить слезу феникса от обычного папоротника, недостойны носить значок боевого мага. Кира была достойна. Она нашла их в низине, где земля дышала сухим жаром, словно под ней тлели угли. Три бутона цвета свежей крови пульсировали в полумраке, бросая алые блики на её лицо. «Слезы феникса». Идеальные, зрелые, светящиеся изнутри. Если она доставит их в лазарет, госпожа главный лекарь впервые перестанет называть её «девочкой с северного ковена». Она опустила на колени. Руки в тонких перчатках действовали быстрее мысли: достать колбу, подвести стеклянную воронку к основанию бутона. Слезы выделяли смолу только на резком холоде. Кира прижала ладонь к стволу — дерево обожгло кожу даже сквозь кожу перчатки — и резко отдернула руку, создавая в воздухе стужу. Бутон дрогнул. По воронке потекла густая, светящаяся рубиновая капля. Вторая. Третья. На четвертой Кира замерла. По ту сторону мелкой, цвета ртуты, реки треснула ветка. Звук был тяжелым, ломающимся под чужим весом. Кира была здесь одна. Согласно уставу Академии, она должна была подать звуковой сигнал. Вместо этого она медленно, стараясь не шуметь опавшей хвоей, потянулась к поясу, где висел шоковый жезл. Взгляд зацепился за берег. Сначала за сапог. Высокий, из черной кожи, с серебряной пряжкой в виде головы ворона. Такие носили только офицеры внутренней стражи. Сапог наполовину ушел в глину. Рядом валялся плащ, тяжелый, цвета воронова крыла. Одежда была безнадежно испорчена — левый бок превратился в лохмотья, спекшиеся от жара. По краям ткань всё еще слабо дымилась. Кира бесшумно заткнула колбу пробкой и спрятала её во внутренний карман шинели. Запах, который принес ветер, заставил желудок сжаться в ледяной комок. Сладковатая гарь. Озон. Аромат некроза на ожогах четвертой степени. Так, по слухам, пахла цитадель Блэквудов после того, как Дэймон сорвался в прошлый раз, за полгода до своего исчезновения. Она подкралась к краю обрыва. Человек лежал лицом вниз, наполовину в воде. Вода вокруг него была неестественно теплой, от неё поднимался густой пар, тут же оседающий инеем на прибрежных камнях — её собственный холод, рефлекторно вырвавшийся из-за страха, вступал в реакцию с его жаром. — Эй, — голос дрогнул, и она прочистила горло. — Вставайте. Патруль. Никакой реакции. Только пар. Она ткнула его носком сапога в плечо. Тело перекатилось на бок слишком легко, словно у него были сломаны все кости. Кира отшатнулась, едва не выронив жезл. Левое плечо, шея и часть лица человека представляли собой один сплошной багрово-черный ожог. Кожа пошла пузырями, обнажив сочащееся сукровицей мясо. Но взгляд Киры прилип не к ранам. На правом, нетронutom плече, из-под разорванной ткани рубашки виднелась татуировка. Сплавившийся с кожей черный узор, повторяющий форму огненного вихря. Метка рода Блэквудов. Человек застонал. Это был не человеческий звук — низкий, вибрирующий рык, от которого «Слезы феникса» в кармане Киры начали опасно нагреваться. Голова мужчины безвольно мотнулась. Слипшиеся от крови и копоты волосы открыли лицо. Это был он. Дэймон Блэквуд. Кадеты шептались, что его забрал огонь, который он не смог контролировать. Что от него остался только пепел. Но пепел не стонет. И у пепла не светятся глаза. Кира посмотрела на его зрачки. Они были неестественно расширены, полностью поглотив радужку, и внутри них метались крошечные, запертые молнии. Он был в сознании. И он был в агонии. Его собственная стихия, которую он всегда носил внутри как ручного зверя, сейчас жрала его изнутри, не находя выхода. — Дэймон, —

выдохнула Кира, забыв про субординацию, про жезл, про всё на свете. — Великий Лед, что с тобой сделали? Его губы, покрытые черной коркой, дрогнули. Он попытался сфокусировать на ней взгляд. Взгляд существа, которое уже наполовину похоронили заживо. — Холодно, — прохрипел он. — Кира... туши. И прежде чем она успела понять, что он имеет в виду, его тело выгнулось дугой. Из рта, из ушей, из-под век хлынул поток жидкого, ослепительно-белого пламени. Морриган завизжала, выставя руки вперед. Весь холод, который был в её теле, вся магическая сила, которую Академия в неё вбивала годами, рванулась наружу. Пар взорвался. Река на десять метров вокруг них мгновенно замерзла, образовав глубокий кратер из черного льда. Белая вспышка Дэймона столкнулась с синей стеной её магии. А потом всё стихло. Блэквуд без сознания лежал на льду. Его ожоги всё ещё дымились, но пламени больше не было. Она дрожала. Её зубы стучали так сильно, что сводило челюсти. В кармане жалобно звякнула, остывая, разбившаяся колба со «Слезами феникса». Девушка посмотрела на свои руки. Перчатки сгорели дотла, ладони покрылись мелкими белыми пятнами обморожения. — Я же просто пришла за травами, — прошептала она в звенящую тишину Железного леса. Но она уже отстегивала от пояса сигнальный рог. Кадет Морриган знала: если она вызовет патруль Академии, его заберут в подземелья Инквизиции, и он оттуда уже не выйдет. Она посмотрела на его изувеченное тело, затем на свои обмороженные руки. — Чтоб тебя, Блэквуд, — процедила она, взваливая его горячую, тяжелую руку на свои плечи. — Если выживешь, будешь мне пожизненно должен. Дракон Нокс был старый, злой и не любил, когда его поднимали по тревоге в сумерках. Кира не стала тратить время на седло. Она перекинула бесчувственное тело Дэймона поперек жесткой спины зверя, сама вскочила позади и намертво сцепила руки у него на груди, прижимая к себе. — Вверх, Дружище. К западному крылу. Быстро. Взлет был жестоким. Нокс расправил двадцатифутовые крылья, и воздушная волна сбила верхушки папоротников. Кира почувствовала, как рубашка на спине начинает дымиться. Жар Дэймона просачивался сквозь её форменный мундир, сквозь кожу, добираясь до костей. Он был похож на печку, из которой забыли выгрести угли. — Тише, Дэймон, — процедила она ему в затылок. — Просто не смей умирать у меня на руках. Они летели над Академией Аркас. С высоты птичьего полета главная цитадель магов казалась серым, неприступным ульем. Кира направила Нокса к западной стене, где располагались лазареты для боевых магов. Приземление боевого дракона у медицинского корпуса вызовет тревогу по всей Академии, но у парадного входа их уже ждали бы дежурные офицеры с вопросами, на которые у Киры не было ответов. — На крышу! — скомандовала она, когда они пошли на снижение. Нокс издала недовольный клекот, но послушно опустилась на каменную площадку над лазаретом. Как только когти виверны коснулись черепицы, Кира скатилась со спины дракона, таща Дэймона за собой. Его ноги безвольно ударились о камень. — Нолан! — закричала она, пинком распахивая дверь технического люка. — Нолан, открывай, черт тебя дери! Она волокла его по винтовой лестнице, считая каждый пролет. Спина под её руками была скользкой от сукровицы и пепла. Дэймон вдруг захрипел, и Кира почувствовала, как волна жара ударила ей в лицо. Воздух в узком лестничном пролете пошел маревом. — Нет, не смей! — Она ударила его по щеке наотмашь, свободной рукой создавая перед его лицом ледяную крошку. — Нолан! Дверь в конце коридора с грохотом распахнулась. На пороге стоял мужчина в заляпанном кровью фартуке поверх строгой мантии. Магистр целительства Нолан выглядел так, будто не спал неделю, но его глаза мгновенно оценили ситуацию: обгоревший всадник, дымящаяся кадетка и запах гари. — Третий стол! Ледяной контур на максимум! — рявкнул он, даже не спрашивая, что случилось. Они ввалились в операционную. Нолан уже чертил в воздухе светящиеся синим руны. — Клади его! — скомандовал он. Кира попыталась отстраниться, но Дэймон, находясь в бреду, вдруг вцепился в её запястье. Его хватка была раскаленной. — Холодно... — просипел он, глядя сквозь неё мутными, полными белого огня глазами. — Не уходи. Туши... — Я здесь, — выдохнула Кира, опуская его на каменный стол. — Я никуда не уйду. Нолан активировал рунический круг вокруг стола. Воздух в поме-

щении мгновенно замерз. С потолка посыпалась ледяная крошка. — Кадет Морриган, если вы не хотите, чтобы ваше сердце остановилось от переохлаждения, отойдите от контура! — прикрикнул целитель. — И вашего ящера с крыши, пока он не расплавил черепицу! Живо! Кира выскочила из операционной, захлопнув за собой тяжелую дверь. Она сползла по стене на пол в коридоре. Руки тряслись так, что она не могла нащупать карман. Вся её куртка от плеч до пояса покрылась черной гарью, а на коже вздувались пузыри ожогов — цена, которую она заплатила за то, чтобы удержать Дэймона в небе. Она обхватила колени руками. Дэймон Блэквуд, Огненный всадник, официально признанный погибшим, находился сейчас в лазарете Академии Аркас. И она, кадет Кира Морриган, только что совершила государственную измену, чтобы его спасти.

Девушка сидела на ледяном каменном полу коридора, привалившись спиной к стене операционной. Её трясло. Она провела тыльной стороной ладони по щеке, стирая мокрую, холодную дорожку. Слезы. Кира даже не заметила, когда начала плакать. От усталости, от страха или от абсурдности происходящего. — Соберись, Морриган. Ты кадет четвертого года, а не истеричная первокурсница. Её взгляд упал на сумку из плотной кожи, которую она сбросила со спины еще до того, как взвалила на себя его. Сумка валялась на стуле возле смотровой кушетки. Слезы феникса. Кира вскочила на ноги так резко, что в висках застучала кровь. В пылу полета, в дыму от собственной горячей спины, рубиновые бутоны просто вылетели из головы. Но Нолан — магистр целительства. Если у него не будет материала для работы, он поймет, что ожоги его не лечатся стандартными припарками. Она рывком распахнула дверь в операционную. Нолан стоял спиной к ней, склонившись над руническим кругом. Его руки чертили в воздухе тонкие нити синего света, которые впивались в почерневшую кожу Дэймона, заставляя её медленно, с влажным хрустом, затягиваться. Воздух в комнате был таким холодным, что дыхание вырывалось изо рта целителя белыми облачками. — Нолан, — голос ее прозвучал хрипло. Целитель даже не обернулся, лишь повел рукой, и ледяная корка на плече у него пошла трещинами. — Я же сказал — за пределы контура, кадет. Вы сейчас заработаете себе сердечный приступ. Убирайтесь. — Я не за этим, — Кира подошла к своему стулу, схватила сумку и вытряхнула её содержимое на соседнюю пустую кушетку. С глухим стуком выкатилась стеклянная колба. Рубиновая смола внутри слегка светилась в полумраке. — Вот. Нолан наконец выпрямился, прерывая плетение заклинания. Он обернулся. Его взгляд метнулся от разбитой колбы к закопченной, дымящейся форме Киры, а затем снова к склянке. — Что это? — Слезы феникса, — Она шагнула к столу и осторожно, двумя пальцами, подняла колбу. — Три зрелых бутона. Смола должна ускорить регенерацию тканей. Я... я собрала их в Железном лесу. Девушка протянула склянку. Её рука всё еще дрожала. Нолан взял колбу с такой осторожностью, словно она была сделана из тончайшего хрусталя. Он поднес её к свету, рассматривая пульсирующее содержимое. Его кустистые брови сошлись на переносице. Удивление на его лице медленно сменилось тяжелым, профессиональным пониманием. — Железный лес... На границе с Пустошами. Теперь понятно, почему его собственная плазма не может найти выход — лес вытягивает её, создавая замкнутый круг. Целитель посмотрел на Киру поверх колбы. Его взгляд был острым, как скальпель. — Где именно в Железном лесу, кадет Морриган? Кира заставила себя выдержать этот взгляд. Она только что отдала ему ключ к спасению Блэквуда, и теперь Нолан имел полное право потребовать отчета. — У Кривого оврага, возле старой серебряной жилы, — ровно ответила она. — Магистр, ему это поможет? Нолан молча подошел к изголовью стола, где над головой командира висел сложный аппарат из стеклянных трубок и кристаллов. Он аккуратно влил рубиновую смолу в резервуар. Жидкость заструилась по трубкам, смешиваясь с подаваемым в легкие Дэймона холодным воздухом. Ожоги на шее всадника, до этого мертво-багровые, начали медленно наливаться здоровым, бледным цветом. — Это не просто поможет, кадет, — пробормотал Нолан, наблюдая за показаниями кристаллов. — Это вытягивает его с того света. Если только его сердце не остановится от резкого перепада температур в

ближайшие полчаса. Где ваш дракон? Кира сглотнула. Другое дело — дракон. — За Долиной Горных Лучей. На плато Ветров. Нолан замер с флаконом в руке. Его спина окаменела. Долина Горных Лучей была естественной границей Академии. За ней начинались ничейные земли, где базировались только элитные звенья боевых драконов. — Плато Ветров? — переспросил он медленно, поворачиваясь к ней. — Кадет Морриган, вы понимаете, что только что угнали боевую единицу первого ранга из-под носа у гарнизона? Перелет через горную гряду с гражданским на борту — это трибунал. Вы хоть представляете, какой перепад давления выдержал этот человек? — Он бы не выжил в седле, — тихо, но твердо сказала Кира. — А пешком я бы не успела до того, как его аура сожгла бы лес. Нолан долго смотрел на неё, затем на бледное лицо Дэймона. Он тяжело вздохнул, и его плечи опустились. — Хорошо, — наконец выдохнул он. — Идите. Идите, пока я не передумал и не сдал вас обоим дежурному офицеру. Выглядите так, будто вас пытались зажарить на вертеле. В северное крыло, лазарет для кадетов, третья дверь. Я пришлю туда дежурного с мазью от ожогов. Для вас. — Спасибо, — кивнула Кира. — Не благодарите, — отрезал целитель. — Завтра в девять утра. Мой кабинет. И вы расскажете мне, Кира Морриган, какого демона боевой дракон с плато Ветров делал в небе над Академией, и почему половина моего лазарета покрыта инеем. Свободны. Кира молча развернулась и вышла. Она не пошла в северное крыло за мазью. Боль от ожогов сейчас была фоном, далеким и неважным. Она спустилась по лестнице во двор, ежась от ночного осеннего ветра. Только сейчас она осознала масштаб катастрофы. Она не просто нарушила устав. Девушка подняла в воздух боевого дракона. Это увидят все посты на стенах. Завтра об этом будет знать не только Нолан, но и комендант крепости.

Кира подняла голову, глядя на запад, в сторону темнеющих на горизонте гор, за которыми скрывалась Долина Горных Лучей. — Во что же ты вляпался, Блэквуд? — беззвучно прошептала она. — И во что втянула меня.

Нолан дождался, пока за кадеткой Морриган с тихим шипением закроется тяжелая дверь операционной. Только тогда он позволил себе выдохнуть. Его плечи, обычно прямые как стальная балка, ссутулились. Он подошел к столу, над которым всё еще висело ледяное марево от его заклинаний. Дэймон лежал неподвижно. Грудная клетка едва заметно поднималась в такт работе рунического аппарата, принудительно нагнетавшего в легкие охлажденный воздух. Целитель закатал рукава мантии. Его руки, покрытые старыми шрамами от ожогов, начали светиться мягким, пульсирующим зеленым светом — магия глубокой регенерации. — Давай, старый друг, — пробормотал Нолан себе под нос. — Не вздумай умирать на моем столе после того, как девчонка притащила тебя через половину континента. Он начал медленно вести ладонью вдоль позвоночника Дэймона, вливая жизненную силу в почерневшие позвонки. Кожа под его пальцами начала медленно светлеть, избавляясь от мертвого багрового цвета. Внезапно Нолан замер. Его рука дрогнула, и поток зеленой магии прервался. Дэймон закашлялся. Это был сухой, рваный звук, больше похожий на скрежет гравия. Целитель тут же перевернул его на левый бок, чтобы тот не захлебнулся собственной слюзью. Тяжелая, обгоревшая голова Блэквуда безвольно мотнулась. Ворот рубашки задрался еще сильнее, и Нолан увидел то, что Кира Морриган, ослепленная паникой, могла не заметить в полумраке. Чуть ниже левой ключицы, там, где кожа осталась нетронутой огнем, чернела сложная вязь. Это не была татуировка рода. Это был знак боевого подразделения. «Пепельные клинки». Элитный отряд всадников, который вел Дэймон Блэквуд до своего исчезновения. Под знаком — личный рунический шифр командира. Он отшатнулся, тяжело опершись руками о край металлического стола. Его лицо, обычно непроницаемое, пошло бледными пятнами. — Светлые духи... — выдохнул он, глядя на своего пациента так, словно увидел призрака. — Так вот почему они до сих пор ведут о нем слухи. Будто он выжег целую провинцию. Будто он предал корону. Лекарь смотрел на знакомую метку, и в его глазах читалась смесь старой вины и горькой иронии. Внезапно веки Дэймона дрогнули. Он не просто пришел в себя — его сознание, обожженное и затуманенное, всё

еще цеплялось за реальность. Он сфокусировал взгляд на склонившемся над ним лице. Узнал. И уголки его потрескавшихся губ дернулись в слабой, но ядовитой усмешке. — Нолан, — голос был похож на треск сухого дерева, но в нем прорезались те самые командирские, язвительные нотки. — Ненавижу твои травы. Они воняют. Нолан моргнул. А затем громко, раскатисто расхохотался. Это был смех человека, который только что вытащил с того света легенду и получил за это нагоняй. — Лежи смирно, командир, — целитель снова взял его за плечо, возвращая руку на место и возобновляя зеленое свечение. — От тебя самого несет так, будто ты упал в костер вместе с драконом. И если ты сейчас же не замолчишь и не начнешь дышать по моей команде, я вколю тебе такую дозу сонного зелья, что ты проспишь собственную казнь. Понял меня? Дэймон не ответил. Он лишь прикрыл глаза, позволяя целителю работать, но на его губах всё еще играла слабая, упрямая улыбка.

Нолан закончил сшивать магической нитью последнюю глубокую трещину на грудной клетке Дэймона. Зеленое свечение его рук медленно угасло. Целитель тяжело выдохнул, отступая на шаг и вытирая пот со лба тыльной стороной ладони. Критический момент миновал. Теперь Блэкуду нужен был только покой и время. — Ты стабилен, — хрипло сказал Нолан, снимая с рук остатки светящейся энергии. — Но если ты снова решишь устроить магический взрыв, я просто позволю тебе догореть. У меня закончился запас «Слез феникса», которые притащила эта сумасшедшая девчонка. Дэймон не ответил. Он лежал с закрытыми глазами, но Нолан знал этот обманчивый покой. Командир «Пепельных клинков» никогда не спал глубоко, даже будучи при смерти. — Дэймон, — голос Нолана стал тише, серьезнее. — Кира сказала, что нашла тебя у Кривого оврага. В Железном лесу. Что ты там делал? Твоя метка командира давно должна была исчезнуть из реестров как «погибший в бою». Дэймон медленно открыл глаза. Его зрачки всё еще были неестественно расширены, но в них больше не плясало белое пламя — только тяжелая, серая усталость. Он попытался повернуть голову, но скривился от боли, пронзившей шею. — Полгода назад, — голос всё еще был надорванным, слова давались ему с трудом. — Я с отрядом Элиты... «Пепельные клинки»... отправились на боевое задание. Он сделал паузу, собираясь с силами. Нолан молча протянул ему металлическую кружку с остуженной водой. Дэймон принял её дрожащими руками и сделал скупой глоток. — Наша задача была найти пещеру в северных отрогах. Древнее хранилище... где содержались драконьи яйца. Первого выводка. Нолан замер с флаконом антисептической мази в руке. Яйца Первого выводка. Легендарные артефакты, из которых, по преданиям, вылупились прародители всех нынешних драконов. Если они реальны, их мощь способна изменить баланс сил во всем королевстве. — Мы нашли её, — продолжил Дэймон, возвращая кружку. — Вошли внутрь. И там... нас ждали. Его голос дрогнул. Впервые за весь разговор в нем проскользнула не командирская сталь, а глухая, черная тоска. — Теневые бойцы. Я никогда не видел таких тварей. Они не дышат огнем и не машут сталью. Они просто... тянут. Они вытянули всю энергию жизни из моего отряда. Я слышал, как они кричат, Нолан. Как их души выгорают изнутри. Дэймон сжал кулак здоровой руки. Костяшки побелели. — Я выжег землю под собой, чтобы разорвать связь. Мой дракон вынес меня на остатках пламени. Я упал где-то в лесу... Дальше ты знаешь. Он перевел тяжелый взгляд на Нолана. — Официально мой отряд числится пропавшим без вести. Но я знаю, что они мертвы. И теперь я хочу выяснить только одно. Кто это сделал. И кому понадобились эти проклятые яйца. Нолан долго смотрел на него. Он видел перед собой не легенду и не государственного преступника. Он видел командира, который только что похоронил своих людей и вернулся с того света ради мести. — Теневые бойцы, — медленно повторил целитель. — Магия пустоты. Никто в Аркасе не владеет ею на таком уровне. Если они смогли уничтожить «Пепельных клинков»... Дэймон, Академия не справилась. Они ударили в самое сердце. — Именно, — прохрипел Дэймон. — А это значит, что враг уже внутри стен. Или сидит так высоко, что его никто не смеет тронуть. Нолан посмотрел на ожоги, которые он только что залечил. Теперь всё встало на свои места. Ожоги Дэймона — это не следы вражеской атаки.

Это следы его собственного, отчаянного бегства. Он выжег сам себя, спасаясь от тех, кто выпил его отряд. — Тебе нельзя возвращаться, — тихо сказал Нолан. — Если Инквизиция узнает, что ты жив, они сделают из тебя козла отпущения. Тебя обвинят в гибели отряда. — Пусть попробуют, — глаза Дэймона опасно блеснули. — Сначала я найду того, кто нажал на курок. Он закрыл глаза, проваливаясь в тяжелый, целительный сон, который наконец-то смог одолеть его измученное тело. Но даже во сне его лицо оставалось напряженным, а пальцы здоровой руки продолжали сжимать край тонкого больничного одеяла.

Нолан укрыл его легким шерстяным одеялом, щелчком пальцев погасил яркий свет рунических ламп над столом и, не сказав больше ни слова, вышел через внутреннюю дверь в свой кабинет. Оставшись в темноте, целитель долго смотрел на силуэт спящего командира. Мысли в голове Нолана метались, сталкиваясь друг с другом. Скрыть Дэймона от Инквизиции в самом сердце Академии — задача почти невыполнимая. Завтра утром сюда придут дознаватели. Они проверят каждый угол, каждую пылинку. — Плато Ветров, — думал Нолан, наливая себе в кабинете горький травяной настой. — Нужно отправить вестника на плато. Если там остались верные ему всадники... Или в Долину Туманов. Там старые катакомбы, о которых знает только персонал лазарета. Придется перевести его туда, пока запах гари не выветрился из западного крыла.

В северном крыле, в комнате для кадетов, сна не было ни в одном глазу. Кира сидела на краю жесткой койки, глядя в темноту. Ожоги на плечах и спине тупо ныли под слоем мази, но физическая боль была ничем по сравнению с тем клубком вины и тревоги, что ворочался внутри. Она встала, опустила босые ноги на холодный каменный пол. Подошла к узкому окну. Напротив, через вымощенный брусчаткой внутренний двор, светилося одинокое окно западного крыла. Лазарет. Кира прижалась лбом к холодному стеклу. Она видела, как час назад туда внесли Дэймона. Она знала, что должна спать. И думала, что Нолан присмотрит за ним. Но образ выгоревшего до мяса плеча и его хриплое «туши» намертво впечатались в память. Она не выдержала. Кира отошла от окна. Движения были быстрыми, почти механическими. Темно-синее платье для сна — слишком открытое, нельзя. Она натянула плотные шерстяные брюки, простую рубаху. Накинула сверху тяжелый форменный плащ с глубоким капюшоном, полностью скрывающим лицо. На ноги — короткие мягкие сапоги. Выглянув за дверь в коридор кадетов, она прислушалась. Тихо. Комендантский час. Любой звук разносится по каменным стенам на милю. Кира выскользнула из комнаты. Она бежала вниз по винтовой лестнице, прижимаясь к стене, чтобы ступени не скрипели под ногами. Сердце колотилось где-то в горле. Главный холл первого этажа тонул во мраке, лишь у дежурного поста теплился одинокий магический огонек. Она прокралась к тяжелым дверям лазарета. Потянула за массивное кольцо. Дверь издала тихий, но в ночной тишине оглушительный скрип. Кира замерла, вжимаясь в косяк, боясь дышать. Снаружи, со стороны внутреннего двора, слышались тяжелые, размеренные шаги. Часовой. Всадник патруля. Кира в панике огляделась. В двух шагах от нее, в стене, темнела глубокая каменная ниша для доспехов. Она рыбкой нырнула туда, вжалась в ледяной камень, натянув капюшон на самые глаза. Шаги приблизились. Остановились прямо напротив дверей лазарета. Кира слышала, как всадник поправляет ремень перевязи, как звякает металл. Время растянулось в вечность. Наконец шаги начали удаляться. Кира выждала еще пару минут, пока звук окончательно не растворился в ночи. Она выскользнула из ниши, стянула с ног сапоги, оставшись босиком, чтобы не шуметь, и рванула к дверям лазарета. Она проскользнула внутрь, прикрыла тяжелую створку за собой. Щелкнул замок. Тишина. В приемной было темно и пахло антисептиками. Она на цыпочках прошла по коридору. Дверь в комнату, где Нолан оставил Дэймона, была приоткрыта. Кира осторожно толкнула её. В ту же секунду под потолком вспыхнул ослепительно-белый свет рунической лампы. Кира вскрикнула, зажмурившись и прикрывая лицо рукой. Она резко развернулась к выключателю, ожидая увидеть Нолана или дежурного лекаря. — Зачем пришла ко мне в лазарет посреди ночи,

Кадетка? Голос раздался не от двери, а со стороны кушетки. Кира медленно опустила руку. Дэймон сидел на краю медицинского стола. Одежда валялась на полу. Верхняя часть его тела была обнажена, и в ярком магическом свете Кира видела результаты работы Нолана — бледную, местами еще красную, но целую кожу. Он выглядел почти здоровым, если бы не мертвенная усталость в плечах. Он не опирался на подушки, он сидел прямо, и его глаза — всё еще слишком яркие для больного — смотрели на неё в упор. — Я... — Кира прочистила горло, пытаясь унять дрожь в коленях. — Я принесла остатки мазей. И... проверила, всё ли в порядке. Дэймон медленно, с видимым усилием, спустил ноги со стола на пол. Он был бос. — Остатки мазей, — повторил он, и в его голосе послышалась знакомая, ядовитая усмешка. — Ты пробежала через весь кампус под комендантским часом, рискуя попасть под патруль, чтобы принести банку мази, которую Нолан и так тебе прописал? Он сделал шаг к ней. Кира непроизвольно отступила назад, пока не уперлась спиной в закрытую дверь. — Снимай капюшон, — тихо приказал он. — Я хочу видеть лицо человека, который только что подписал себе приговор ради моего лечения.

Кира медленно, стараясь унять дрожь в пальцах, стянула с головы капюшон. Тяжелая ткань упала на плечи, открывая растрепанную косу и покрасневшие от бега щеки. Она опустила взгляд, уставившись на его босые ноги, а затем снова подняла глаза, встречаясь с его взглядом. — Затем, — голос её всё еще звучал хрипло, но в нем прорезался металл. — Я хочу тебе помочь. Дэймон склонил голову набок, рассматривая её. В его глазах плясали насмешливые искорки. — Помочь? Ты уже помогла, притащив меня сюда на глазах у всего гарнизона. Куда уж больше? — Утром придут с проверкой, — отрезала Кира, игнорируя его тон. Она оттолкнулась от двери и сделала шаг вперед, в его личное пространство. Теперь она говорила быстро, шепотом, как на инструктаже. — Кто-то сказал, что ты здесь. Может, дежурный, может, Нолан не смог скрыть... Я не знаю. Но Инквизиция будет здесь с первыми лучами солнца. Нам нужно уходить, так что собирайся, Блэквуд. Улыбка медленно сползла с лица Дэймона. Он смотрел на неё уже без насмешки — с холодным, оценивающим вниманием, как когда-то смотрел на вражеских разведчиков. — Куда? — спросил он тихо. — В северное крыло, в карцер для кадетов? Или, может, ты знаешь потайной ход из Академии, о котором не знает Инквизиция? Мой дракон остался на плато. Пешком через Долину Горных Лучей я не пройду, я едва держусь на ногах. — Я знаю, где взять дракона, — Кира метнулась к шкафу с медикаментами, распахивая дверцы. — Нолан хранит здесь запас зелий на случай прорыва тварей из Пустошей. Зелья выносливости, кровевосстанавливающие, обезболивающее. Она начала сгребать с полок стеклянные флаконы, бросая их в свою сумку. Звон стекла казался в тишине лазарета пушечным выстрелом. — Ты с ума сошла, — Дэймон медленно покачал головой, но всё же встал с кушетки. Он пошатнулся, схватившись за край стола, но выпрямился. — Украсть боевого дракона из городского ангара? Тебя расстреляют на стене. — Не из ангара, — Кира закинула сумку на плечо и подошла к нему вплотную. Она была на полголовы ниже, но сейчас смотрела на него снизу вверх так, будто была выше на десять футов. — В Академии есть резервный ангар. Старые пещеры под Северной башней. Там держат списанных драконов. Тех, кто ослеп, или сошел с ума от старости. Их не охраняют так, как на плато. Она протянула ему его плащ, который сняла с крючка у двери. Ткань всё еще пахла гарью. — Один из них — «Слепая Ярость». Он старый, почти слепой, но если дать ему зелье ночного зрения, он доведет нас до плато. Он знает твой запах, Дэймон. Он служил под твоим началом еще до того, как я поступила в Академию. Дэймон застыл с плащом в руках. Он смотрел на Киру так, словно видел её впервые. Кадетка Морриган, которая тряслась под его взглядом минуту назад, исчезла. Перед ним стоял кто-то другой — кто-то отчаянный, безрассудный и досконально знающий слабые места Аркаса. — Ты предлагаешь мне украсть слепого, списанного в утиль старика, чтобы бежать от Инквизиции? — медленно переспросил он. — Я предлагаю нам обоим не болтаться завтра утром на виселице, — отрезала она, протягивая ему сапоги, которые принесла с собой.

— Надевай. Иними эту идиотскую больничную рубаху, она светится в темноте. У нас есть час до смены караула у Северной башни. Дэймон долго смотрел на протянутые сапоги. Затем на её решительное, усыпанное мелкими веснушками лицо. Он молча взял сапоги и начал одеваться. Каждое движение давалось ему с видимым трудом, мышцы, пережатые внутренним огнем, слушались плохо. Но он не издал ни звука. — Нолан меня убьет, — пробормотал он, затягивая шнуровку на голенище. — Если мы не уйдем, Инквизиция сделает это за него, — Кира уже была у двери, прислушиваясь к ночной тишине. — Идем. И старайся не хромать, пока не выйдем за стену. Дэймон Блэквуд, Огненный всадник, молча кивнул своему новому, девятнадцатилетнему командиру и шагнул в коридор.

Она приоткрыла тяжелую дубовую дверь ровно на ширину ладони. В щель ворвался холодный ночной воздух, пахнувший камнем и далеким дымом из труб казарм. Она замерла, превратившись в слух. Справа, со стороны главного входа в лазарет, мерно вышагивал патруль — тяжелые, уверенные шаги стражи Академии. Раз. Два. Три. Они прошли мимо, направляясь к западному крылу. Звук начал удаляться. Слева, со стороны хозяйственного двора, было тихо. Только ветер шелестел остатками ржавой листвы на старых дубах. Кира обернулась через плечо. Дэймон стоял в тени комнаты, полностью одетый. Темный плащ скрывал его фигуру, но даже в полумраке было видно, как напряжена его спина. Он держал в здоровой руке её сумку с зельями, прижимая к груди, чтобы стекло не звякнуло при ходьбе. Она встретилась с ним взглядом и чуть заметно качнула головой влево. *Чисто.* Кира выскользнула в коридор бесшумной тенью. Её сапоги, которые она несла в руке, чтобы не шуметь, остались в комнате — сейчас подошвы её мягких туфель идеально подходили для каменного пола. Она прижалась к стене, сливаясь с тенями гобеленов, изображающих победы магов над драконами. Дэймон вышел следом. Для человека, едва стоявшего на ногах час назад, он двигался пугающе плавно. Тяжелый шаг боевого мага был смягчен до кошачьей поступи. Он закрыл за собой дверь лазаретной комнаты, и щелчок замка в ночной тишине показался Кире оглушительным. Она поморщилась, но патруль уже ушел далеко. Кира дождалась, пока Дэймон поравняется с ней, и указала пальцем направление. Не на главную лестницу, ведущую во двор, а на узкий, утопанный до черноты проход для слуг, за которым виднелась старая деревянная дверь. — У нас есть пять минут, — одними губами прошептала она, почти касаясь его уха. — До смены караула у Северной башни. Бежим в другую сторону. Она махнула рукой, задавая темп. Они не бежали в полную силу — это был быстрый, экономный шаг, почти рысь. Кира вела его по черной лестнице, которой не пользовались со времен последней осады. Ступени здесь были узкими и винтовыми. Дэймон, идущий сзади, положил тяжелую руку ей на плечо, не для того чтобы опереться, а чтобы контролировать её скорость — если она оступится на гладком камне и полетит вниз, шум привлечет всю Академию. Они спустились на уровень подвала. Воздух здесь был спертым, пахло сыростью, оружейной смазкой и старым железом. Кира резко затормозила у поворота, снова выставив вперед раскрытую ладонь. *Стой.* Впереди, за углом, горел тусклый оранжевый свет дежурного фонаря. Там был пост. Но Кира указала не на него, а на неприметную дверь прямо под лестницей, обитую ржавыми железными полосами. — Там есть дверь, — выдохнула она, когда они прижались к стене. — Она выходит к оружейному складу. Оттуда вдоль стены — к Северной башне. Дэймон кивнул. Он уже не выглядел как пациент лазарета. В тусклом свете фонаря его глаза снова начали наливаться опасным, темным огнем. Он узнал эти маршруты. Это были пути отхода «Пепельных клинков» на случай, если крепость будет захвачена. Кира глубоко вдохнула, набирая в грудь воздуха, и рванула с места. Она толкнула тяжелую дверь оружейного склада. Та поддавалась с тихим, протестующим скрипом несмазанных петель. Кира зашипела от злости, но проскользнула внутрь. Дэймон последовал за ней, бесшумно прикрыв створку. Они оказались в абсолютной темноте, среди стеллажей, уставленных алебардами, щитами и бочками с порохом. — Сюда, — Кира схватила его за рукав, ведя вдоль стены на ощупь. — Третья бочка слева. Нажми на клеймо. Дэймон нащупал в темноте

шершавое дерево. Его пальцы нашли выпуклое клеймо гильдии каменщиков — молот и наковальню. Он надавил. Секунда тишины. Затем раздался тихий, сухой щелчок, и часть каменной кладки перед ними ушла вглубь на дюйм, открывая узкий, черный лаз. — Старая вентиляция, — прошептала Кира, уже протискиваясь внутрь. — Она ведет прямо к основанию башни. Иди за мной. И ради всех богов, не трогай здесь ничего, если не хочешь, чтобы мы взлетели на воздух вместе со всем арсеналом. Дэймон молча шагнул в темноту следом за ней. Камень за их спинами встал на место, отрезая путь назад и погружая их в могильный холод подземелья.

Тоннель дышал холодом и застарелой сыростью. Кирпичный свод был низким, заставляя Киру пригибать голову, а под ногами хрустел строительный мусор и влажная земля. — Осторожно, здесь ступенька, — шепнула она, нащупывая ногой опору. Они шли босиком. Кира сняла туфли еще в оружейном, чтобы не шуметь, а Дэймон оставил сапоги в лазарете — кожаная подошва была слишком громкой для пустот вентиляции. Холод камня неприятно покалывал ступни. Внезапно впереди, в абсолютном мраке, раздался тихий металлический щелчок. Дэймон щелкнул двумя пальцами, и на кончике его большого пальца вспыхнул маленький, неестественно ровный язычок оранжевого пламени. — Так лучше, — хрипло бросил он, поднимая руку выше. Тьма неохотно расступилась, выхватывая из мрака его резкий профиль, влажные своды тоннеля и её собственную руку, сжимающую сумку с зельями. Кира засмотрелась. На долю секунды она забыла, где находится. Пламя отбрасывало на лицо Дэймона глубокие тени, делая его ожоги почти невидимыми, а глаза — пугающе яркими. В этом слабом, живом свете он выглядел не как пациент лазарета, а как древний дух подземелий, вернувшийся за своей добычей. Именно в этот момент её правая нога провалилась в пустоту. Кира потеряла равновесие, взмахнула руками, пытаясь ухватиться за воздух, и тяжело рухнула на одно колено. Сумка с зельями глухо звякнула о камень. — Чёрт! — выдохнула она, инстинктивно прижимая ладони к лодыжке. — Моя нога... Как же ужасно болит. Огонь Дэймона тут же метнулся в её сторону, освещая место падения. — Тихо, — прошипел он. — Не ори. Он остановился и, не говоря ни слова, тяжело опустился на одно колено прямо в грязь перед ней. Поза была до боли знакомой — так командир проверяет состояние раненого бойца на поле боя. — Где болит? — его голос прозвучал низко и требовательно, не терпя возражений. Кира, всё еще морщась, ткнула пальцем чуть выше косточки. — Тут. Больно наступать. Дэймон осторожно, но уверенно взял её босую ступню в свои ладони. Его пальцы были горячими — гораздо горячее, чем положено обычному человеку, даже с его лихорадкой. Жар его магии просачивался сквозь её кожу. Он начал методично, профессионально ощупывать сустав, проверяя целостность костей. Его большой палец с нажимом прошелся по подъему стопы, затем жестко надавил на связки с внешней стороны. Кира чуть не вскрикнула от пронзившей её боли. Она рефлекторно дернулась, но его хватка была железной. Чтобы не заорать на весь тоннель, она до крови прокусила себе нижнюю губу. — Можно... можно аккуратнее? — выдавила она сквозь зубы, когда он нащупал эпицентр ушиба. — Больно же. Дэймон замер. В полумраке блеснули его зубы в короткой, хищной усмешке. — Если бы это был перелом, ты бы уже потеряла сознание от болевого шока, Морриган. Цени мою деликатность. Он закончил осмотр, размял её лодыжку еще одним, последним, почти жестоким движением и отпустил. Поднялся на ноги, отряхивая ладони. — Это легкий ушиб, — констатировал он тоном полевого врача. — Перелома нет. Но гематома будет знатная. Идти сможешь только на пятке. Он не стал ждать её ответа. Дэймон шагнул к ней вплотную, игнорируя её удивленный взгляд, и слегка присел, сгибая колени. — Облокотись на меня, — приказал он, подставляя плечо. — Клад руку на шею. И не дави на раненую ногу, если не хочешь, чтобы я тащил тебя на себе. Кира замерла. От него пахло гарью, антисептиками Нолана и сухим жаром, как от печной заслонки. Она неловко перекинула свою руку через его плечи, чувствуя, как горяча его кожа даже сквозь плотную ткань плаща. Они снова двинулись вперед. Теперь они шли медленно, в унисон. Кира старалась не опираться на него всем весом, но каждое движение отдавалось болью в лодыжке, и она всё сильнее вжи-

малась пальцами в его плечо, чтобы не упасть. В тесном тоннеле, освещенном лишь крошечным огоньком, их дыхание смешалось. Дэймон шел, слегка прихрамывая в такт ей, и его рука крепко, почти собственнически обхватила её за талию, поддерживая на скользких ступенях.

Последняя дверь поддавалась с тихим, влажным скрипом. Кира толкнула тяжелую дубовую створку, и в лицо им ударил холодный, пахнувший камнем и свободой ночной воздух Северной башни. Они вышли на узкую служебную площадку, опоясывающую основание башни. Отсюда было рукой подать до казарм, но и до патрульных маршрутов — тоже. — Я не смогу бежать, — выдохнула Кира, пытаясь перенести вес на здоровую ногу. Голеностоп пульсировал тупой болью. — Если нас увидят... Она не успела договорить. Дэймон, всё еще поддерживавший её за талию, резко замер. Его тело превратилось в натянутую струну. Он прижал её к холодной каменной кладке башни, шагнув вперед так, чтобы полностью закрыть её собой от обзора со двора. Кира оказалась в ловушке между его спиной и стеной. Она чувствовала жар его тела даже сквозь слои одежды. — Тихо, — прошипел он ей прямо в макушку. Его голос был низким, вибрирующим. — Замри. Кира затаила дыхание, вжимаясь в камень. Сердце колотилось где-то в горле. Она прислушалась. Слева, из-за угла башни, донеслись тяжелые, шаркающие шаги. Не чеканный шаг стражи, а ленивая, вразвалочку походка патрульного всадника, который обходит периметр в конце смены. — Патруль бродит, — выдохнул Дэймон ей в волосы. Его губы почти касались её виска. — Ты же не хочешь, чтобы мы спалились. В прямом и переносном смысле. — Что нам делать? — прошептала она в ответ, едва шевеля губами. До патрульного оставалось не больше десяти футов. Если он повернет голову, он увидит их в тени арки. Дэймон не ответил. Вместо этого он медленно, очень медленно повернулся к ней лицом. В темноте башни его глаза казались двумя провалами в бездну. Он шагнул еще ближе, сокращая дистанцию до нуля. Кира почувствовала спиной каждый неровный выступ старого кирпича. Его ладони легли на каменную кладку по обе стороны от её головы, заключая её в клетку из рук и жара. — Давай, — его губы изогнулись в опасной, почти безумной усмешке. — Целуй меня. Кира моргнула, расширив глаза от шока. — Что? — её голос сорвался на сиплый шепот. — Ты дурак, Дэймон. Нас же... Она не успела закончить фразу. Он не стал ждать. Дэймон накрыл её рот своим. Это не было нежно. Это был жесткий, требовательный поцелуй, призванный убедить любого случайного наблюдателя в их крайней увлеченности друг другом. Одной рукой он вцепился в её волосы на затылке, не давая отстраниться, а другой с силой прижал её бедра к своим, лишая возможности даже дернуться. Кира замерла от неожиданности, вцепившись пальцами в его плащ. Вкус у него был как у пепла и озона. Шаги патрульного замедлились прямо напротив их укрытия. Кира в панике распахнула глаза, уткнувшись взглядом в ключицу Дэймона. Она почувствовала, как его язык — горячий, наглый — требует ответа, раздвигая её губы. Инстинкт самосохранения боролся с шоком, но тело, лишенное опоры и зажатое между ним и стеной, среагировало само. Она судорожно выдохнула ему в рот и, зажмурившись, ответила на поцелуй, впиваясь пальцами в его плечи так сильно, что ногти наверняка оставили следы на коже. Дэймон издал тихий, удовлетворенный рык, принимая её капитуляцию. Его рука, лежавшая на её волосах, скользнула ниже, по шее, по открытому вороту рубахи, оставляя за собой полосу горячей кожи. Шаги патрульного поскрипели еще секунду на месте. Затем гравий снова захрустел под тяжелыми сапогами — звук начал удаляться в сторону казарм. Дэймон оторвался от её губ так же резко, как и начал. Он тяжело дышал, его грудь вздымалась в такт её собственной. Он медленно разжал пальцы, выпуская её волосы. — Сойдет за влюбленную дурочку, — хрипло констатировал он, проводя большим пальцем по своим влажным губам. Его глаза всё еще были темными, а зрачки — расширенными. — Патруль прошел. Можешь открывать глаза, Морриган. Опасность миновала. Кира отшатнулась от стены, словно обожглась. Она тяжело дышала, прижимая тыльную сторону ладони ко рту, пытаясь стереть вкус пепла. Её щеки горели, но то был не только румянец от нехватки воздуха. — Ты... ты невыносим, — выдавила она, отступая на шаг и спотыкаясь о собственную ногу. Дэймон лишь тихо рассмеялся, поправляя воротник

своего плаща. Он выглядел совершенно спокойным, словно только что не целовал её так, будто хотел поглотить целиком. — Идти можешь? — спросил он, кивнув в сторону тропы, ведущей к обрыву, где начинались Дикие земли. — Или мне понести тебя? Кира, всё ещё пытаясь унять дрожь в коленях, молча сделала шаг вперед, намеренно обходя его по широкой дуге. — Сама дойду, — бросила она через плечо, стараясь, чтобы голос не дрожал. — И не смей больше так делать. — Как только мы выберемся отсюда, — пообещал он, нагоняя её. В его голосе слышалась откровенная издевка. — А теперь шевели ногами. До плато еще далеко.

Они шли вдоль северной стены Академии. Под ногами хрустел гравий, и каждый шаг отдавался в лодыжке Киры тупой, пульсирующей болью. Она старалась наступать только на пятку, из-за чего её походка стала дерганой и медленной. Но злилась она не на боль. Кира смотрела в широкую спину идущего впереди Дэймона, и её пальцы сами собой сжимались в кулаки. Этот самоуверенный, наглый, невыносимый... Она всё ещё чувствовала вкус пепла на губах и жар его ладони на затылке. Он поцеловал её не для спасения — она это поняла секунду спустя, когда патруль уже прошел. Он сделал это, потому что *мог*. Потому что хотел посмотреть, как далеко она позволит ему зайти. — Иди быстрее, — бросил Дэймон через плечо, не оборачиваясь. — Если нас застукает рассветный патруль, я оставлю тебя здесь. Инквизиция будет рада побеседовать с кадетом Морриган с глазу на глаз. Кира зашипела сквозь зубы, но ускорила шаг, насколько позволяла нога. Она старалась не отставать, хромая в его ритме. Наконец, когда они миновали последнюю сторожевую вышку и вышли на каменистую пустошь, отделяющую стены Академии от обрыва, Дэймон резко остановился. Он обернулся. В предрассветных сумерках его лицо казалось высеченным из камня. Он окинул её взглядом с головы до ног, задержавшись на её бледном лице и неестественно прямой спине, которой она пыталась скрыть хромоту. — В какую сторону идти? — спросил он прямо. Его голос снова стал ровным и командным, лишенным недавней игривости. — К драконам, которые списанные. Он сделал шаг к ней, сокращая дистанцию. Кира инстинктивно напряглась. — А нам еще далеко, — продолжил он, глядя ей прямо в глаза. — И мы не дойдем с твоей ногой до Плато. Если ты не заметила, я тоже не в лучшей форме. Тащить тебя на закорках, пока ты будешь брыкаться, я не намерен. Кира вскинула подбородок, пытаясь смотреть на него сверху вниз, несмотря на разницу в росте. — Я не брыкаюсь, Блэквуд. И я дойду. — Не дойдешь, — отрезал он. — Через час начнется смена караула у главных ворот. У нас есть минут двадцать, прежде чем патрули начнут шерстить подступы к обрыву. Показывай дорогу. Или я просто переброшу тебя через плечо и пойду наугад. Выбирай. Кира поняла, что спорить бесполезно. Он видел её насквозь. Она опустила взгляд, прикидывая маршрут в уме. — Туда, — она кивнула влево, на север, где склон становился еще круче, уходя в густой утренний туман. — Там старая штольня. Раньше через неё возили руду для кузниц. Она выходит в пещеры под Северной башней. Дракониный лазарет — там. Дэймон проследил за её кивком. Его взгляд на секунду смягчился — он узнал этот маршрут. Старая инфраструктура Аркаса, о которой знали только инженеры и, видимо, слишком любопытные кадеты. — Штольня завалена, — заметил он. — Я помню обвал девяносто пятого года. — Основной тоннель — да, — кивнула Кира, морщась от боли в лодыжке. — Но есть технический отвод для вентиляции. Он узкий, но мы пролезем. Я ходила там на прошлой неделе. Дэймон на мгновение прикрыл глаза, словно переваривая информацию. Когда он открыл их, в них снова плясали опасные огоньки. — На прошлой неделе. Значит, план побега ты составляла заранее. — Я... я просто изучала карту, — быстро соврала Кира, чувствуя, как краснеют уши. — На случай войны. — Разумеется, — хмыкнул он. — Ладно. Обопрись на меня. Если упадешь, я тебя брошу. Это не было поцелуем на прощание, Морриган, это была тактическая необходимость. Не обольщайся. Он подошел и подставил плечо, на этот раз без лишних слов и прелюдий. Кира, стиснув зубы от унижения и боли, перекинула руку через его шею. — Идем, — скомандовал он, начиная спуск по каменистому склону в сторону тумана. — И молись, чтобы твой «Слепая Ярость» еще помнил, с какой стороны седла держаться. Кира

ничего не ответила. Она просто смотрела на его профиль, пока они хромали в сторону обрыва, и думала о том, что ненавидит его почти так же сильно, как хочет врезать ему по его самодвольной челюсти. А еще о том, что её губы всё еще горят.

Глава2. Побег из Лазарет

Далеко за горами Долины Горных Лучей наступал рассвет. Небо на востоке, там, где из тумана выплывали острые пики хребтов, наливалось тяжелым, густым оранжево-сиреневым цветом. Воздух здесь, на высоте, был колким и чистым, пах мокрым камнем и озоном. Они стояли, тяжело дыша, на краю каменистого плато. Переход через старую штольню вымотал их до предела. Дэймон опирался рукой о выступ скалы, его дыхание вырывалось изо рта густыми белыми облачками. Ожоги на его груди, скрытые под свежей повязкой из её рубахи, всё еще дымились, если он делал слишком резкий вдох. Кира сидела прямо на мокрой от росы траве, вытянув перед собой больную ногу. Сапог она сняла еще в тоннеле — распухшая лодыжка не влезала в обувь. — Я уже не могу идти, — выдохнула она, массируя голеностоп. Пальцы нащупали горячую, тугую опухоль. — Нога болит так, будто по ней проехал дилижанс. Дэймон медленно повернул голову. Он не выглядел уставшим — он выглядел смертельно опасным, загнанным в угол зверем, у которого просто закончились силы на рычание. Он молча подошел к ней и тяжело опустился на корточки рядом. Его движения были экономными, но каждое из них давалось ему с видимым усилием. — Ну потерпи немного, — его голос был хриплым и низким. — Осталось чуть больше мили до логова. Дойдем до Слепого, заберем его, я перекинусь, и через полчаса будем в городе. Правда, — тут он позволил себе короткую, хищную усмешку, — закидывать тебя буду не через главные ворота. Высажу тебя прямо у твоего окна в казарме. Сможешь написать жалобу ректору на нарушение правил пожарной безопасности. Кира замерла. Она медленно подняла на него взгляд. В сиреновом полумраке рассвета её глаза казались почти черными. Сначала она просто смотрела на него. Затем её губы дрогнули. А в следующее мгновение она подалась вперед и с силой ткнула его кулаком в здоровое плечо. — То есть ты хочешь меня отдать Инквизиции?! Дэймон от неожиданности потерял равновесие и чуть не завалился набок, едва успев выставить руку. — Что? Я же только что... — За то, что я тебя спасла?! — её голос сорвался на крик, эхом отразившись от скал. Она вскочила на ноги, забыв про боль, и теперь нависала над ним, сжав кулаки. — Вот сейчас, пять минут назад, тащила тебя на себе, когда ты едва переставлял ноги! Лечила тебя! А ты... ты... «закину до окна»?! Она задохнулась от возмущения. Дэймон медленно поднялся на ноги, оказываясь с ней лицом к лицу. Он больше не улыбался. Он смотрел на неё сверху вниз, и в его глазах разгорался тот самый опасный, темный огонь. — Ну ты и падонок, Блэквуд! — выплюнула она ему в лицо. — Я думала, ты хоть немного благодарен! А ты просто используешь меня как бесплатную аптечку, чтобы сдать властям?! Дэймон моргнул. А затем его плечи затряслись. Он запрокинул голову и расхохотался. Это был не веселый смех — это был громкий, истерический, почти безумный хохот человека, который чудом выжил и теперь не может поверить в абсурдность происходящего. Кира смотрела на него, тяжело дыша, её щеки горели от гнева и холода. — Ты... — он с трудом выдавил сквозь смех, вытирая выступившие слезы тыльной стороной ладони. — Ты действительно думаешь, что я собираюсь сдать Инквизиции? После того, как они убили мой отряд? Смех резко оборвался. Он шагнул к ней вплотную, заставив её инстинктивно отступить на шаг. Его лицо стало серьезным, почти мрачным. — Морриган, — сказал он тихо, и от его тона у Кире по спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с утренней прохладой. — Если бы я хотел попасть в казематы Инквизиции, я бы просто лег обратно на тот стол в лазарете. Они бы дали мне чистую пижаму и казенный ужин. Он ткнул пальцем в её разбитую, распухшую лодыжку. — А теперь заткнись и дай мне посмотреть на твою ногу. Если ты её подвернула всерьез, нам придется искать Слепого еще сутки. Я не потащу тебя на закорках через половину королевства, даже если ты будешь умолять меня об этом на коленях. Кира открыла рот, чтобы выдать очередную порцию возмущения, но слова застряли в горле. Она просто стояла, хлопая ресницами, и смотрела, как он, игнорируя её протесты,

снова опускается на корточки и бесцеремонно хватает её за пятку, поднимая ногу на уровень своих глаз.— Снимай носок, — буркнул он. — И в следующий раз, когда захочешь на меня наорать, убедись, что у тебя есть на это силы. А то выглядишь жалко. Кира вырвала ногу из его рук, села на ближайший валун и, демонстративно отвернувшись, стянула мокрый, грязный носок.— Я не выгляжу жалко, — пробормотала она, стараясь не смотреть, как его ладони — снова горячие, источающие зеленоватое свечение целительной магии — начинают медленно кружить над её лодыжкой. — Я выгляжу как человек, который связался с самым невыносимым ублюдком в истории Аркаса.— Это всё еще комплимент, кадет, — глухо отозвался Дэймон, полностью поглощенный лечением. — Закрой глаза и не дергайся. У нас очень мало времени до того, как комендант Плато обнаружит, что мы собираемся угнать его личного дракона.

Дэймон убрал руку и медленно поднялся, отряхивая ладони от несуществующей пыли. Зеленое свечение целительной магии угасло, оставив после себя лишь запах озона и жженого сахара. Кира осторожно, с опаской опустила ногу на траву. Сначала она коснулась земли только пальцами, ожидая вспышки боли. Но её не было. Она перенесла вес на пятку, затем на носок. Голеностоп сгибался свободно, без малейшего сопротивления. Боль ушла так же внезапно, как и появилась, оставив после себя лишь легкий, фантомный зуд и уродливый лилово-желтый синяк, расплзающийся по коже. Она подняла взгляд на Дэймона. Он стоял, возвышаясь над ней, и смотрел в сторону темнеющих впереди скал, где скрывался вход в драконьи пещеры. В утреннем свете его профиль казался высеченным из гранита.— Спасибо, — тихо, почти неуверенно буркнула Кира, отводя взгляд. Слово прозвучало слишком громко в утренней тишине. Дэймон медленно повернул голову. На его губах играла едва заметная, понимающая усмешка — та самая, которая обычно бесила её больше всего.— Не за что, кадет. В следующий раз смотри под ноги, а не пялься на мой поцелуй. Это сэкономит нам время. Кира почувствовала, как щеки снова обожгло румянцем, и мысленно прокляла свою светлую кожу. Она открыла было рот, чтобы огрызнуться, но Дэймон уже отвернулся. Он поправил перевязь с её сумкой на своем плече — нести вещи он взвалил на себя, видя, как она хромот, — и перехватил поудобнее свой тяжелый плащ.— Ну всё, — его голос снова стал командным, не терпящим возражений. — Теперь пошли до дракона. Время не ждет. Он двинулся вперед широким, размашистым шагом, направляясь к узкой расщелине в скалах, которая служила входом в старые пещеры. Кира на мгновение замешкалась, всё еще прислушиваясь к ощущениям в ноге, которая теперь была абсолютно здоровой. — Эй! — окликнула она, догоняя его и приноравливаясь к его темпу. — Я же сказала спасибо! Можно подумать, ты каждый день лечишь кадетов, которых сам же и довел до истерики! — Только тех, кто вламывается в мой лазарет посреди ночи, — бросил он через плечо, не сбавляя шага. — Иди ровнее, Морриган. Нога в порядке, хватит изображать утку. У нас есть минут десять, пока старый комендант Плато не решит обойти стойла лично. Если он застанет нас у загона Слепого, объяснять, что мы просто пришли поздороваться, будет некогда. Кира закатила глаза, но всё же ускорила шаг, стараясь ступать твердо. Она убрала за ухо выбившуюся прядь волос и плотнее запахнула плащ. Впереди, за камнями, начиналась территория, куда не заходили даже патрули. Земля старых драконов. И они шли прямо в пасть к зверю, чтобы украсть одного из них.

Вход в пещеру сиял в скале черной, неровной дырой, похожей на выбитый зуб. Оттуда тянуло застарелым запахом серы, звериной шерсти и чего-то кислого, металлического. Дэймон остановился у самого порога, вглядываясь в абсолютный мрак. Кира поежилась и шагнула вплотную к нему, прячась в тени его широкого плаща. Они вошли внутрь. Под ногами захрустел гравий и старые кости. Дэймон щелкнул пальцами, и на его ладони вспыхнул тусклый огонек, выхватывая из темноты уходящие ввысь своды и влажные, поросшие мхом стены. Они шли вдоль левой стены, стараясь ступать по краю, где камни были суше. Каждый звук — шорох их одежды, стук подошв — казался здесь пушечным выстрелом, способным разбудить весь драконий выводок.— Сюда, — одними губами прошептала Кира, указывая на широкий проход

в дальнем конце зала, откуда доносилось низкое, утробное ворчание. — За поворотом начнутся загоны для списанных. Дэймон молча кивнул, перехватив её сумку поудобнее, чтобы пряжки не звякнули. Он двигался с пугающей грацией хищника, полностью сливаясь с тенями. — И как ты хотела украсть Слепого Ярость из пещеры? — едва слышно спросил Дэймон, когда они замерли у поворота, вслушиваясь в дыхание зверей. Его голос в тесном пространстве прозвучал низко и раскатисто. — Если здесь его охраняют. Кира посмотрела на него. В тусклом свете его глаза казались двумя озерами жидкой тьмы. Она чуть заметно пожала плечами, стараясь не морщиться от того, как гулко бьется её собственное сердце. — У меня есть одна идея. Дэймон медленно повернул голову. Он смотрел на неё долго, молча, и в его взгляде проскользнуло что-то похожее на искреннее, почти паническое удивление. За последние сутки он привык, что она знает местность, знает травы и умеет лечить. Но кража дракона из-под носа у гарнизона — это была его, командирская, территория. — Что? — выдохнул он чуть громче, чем следовало. Он тут же осекся, когда из темноты соседнего тоннеля донеслось недовольное, сонное шипение, и продолжил тише: — Что ты задумала, Морриган? Кира дождалась, пока шипение затихнет, и наклонилась к самому его уху. Её губы почти касались его кожи, а волосы упали ему на плечо. — Помнишь, — прошептала она, — я говорила, что ходила здесь на прошлой неделе? Я не просто изучала карту. Я... познакомилась со Слепым. Дэймон замер, вглядываясь в её лицо. — Познакомилась? — переспросил он. — С боевым драконом, который размером с дом и плюется плазмой? Как, Морриган? Угостила его пирожком? — Почти, — Кира позволила себе короткую, хищную ухмылку. — У него катаракта на обоих глазах, но обоняние и слух в порядке. Я приходила сюда трижды. Приносила ему мясо, которое оставалось после занятий по разделке туш. И натерла свой плащ его любимыми соляными камнями из старой кормушки. Она выпрямилась и ткнула пальцем в свой форменный плащ, который всё ещё был на ней. — Он учует мой запах. Если я подойду к краю его загона, он решит, что пришла служанка с обедом. Он не станет рычать. Он просто подойдет поближе. Дэймон долго смотрел на неё. На его лице отразилась целая гамма эмоций: сначала шок, затем — неохотное, зарождающееся уважение, и, наконец, привычная ядовитая усмешка. — Ты сумасшедшая, — констатировал он с каким-то мрачным восхищением. — Самая безумная, везучая идиотка, которую я когда-либо видел. — Идеи получше есть? — так же шепотом огрызнулась она. — Нет, — он качнул головой. — План безумный, но это единственный наш шанс. Держись за моей спиной. И если твой «друг» решит всё-таки закусить тобой, кричи громче. Я хочу успеть отскочить. Кира фыркнула и молча кивнула. Дэймон сделал шаг из-за угла, гася магический огонь на ладони и погружая их в почти полную темноту, где ориентироваться можно было только по запаху и теплу.

Кира сделала шаг вперед, выходя из-за широкой спины Дэймона в полумрак загона. Она остановилась в пяти шагах от огромной головы зверя, стараясь не делать резких движений. Слепой Ярость лежал, свернувшись кольцом вокруг груды старых костей. Его чешуя, когда-то бывшая цвета вороненой стали, теперь потускнела и пошла сетью мелких трещин, как высохшая земля. Он был огромен — даже лежа, он возвышался над ней, как крепостная башня. Белесые, подернутые мутной пленкой глаза смотрели в никуда, но Кира знала: он её прекрасно слышит. Дракон лениво поднял голову. Его ноздри, размером с блюдце, затрепетали. Он втянул воздух. Запах. Соль. Железо. И что-то неуловимо знакомое, теплое, из тех времен, когда огонь в небе был обычным делом. Кира медленно опустилась на одно колено, чтобы казаться меньше, и заговорила. Её голос был тихим, певучим, предназначенным только для его слуха. — Привет, мой старый друг. Я знаю, что ты меня не видишь. Но я знаю, что ты здесь. Слепой Ярость склонил голову набок. Из его ноздрей вырвалось маленькое, густое облачко сизого дыма — знак интереса, а не угрозы. И в тот же миг в голове Киры раздался голос. Он не звучал в ушах — он рождался прямо в сознании. Это был низкий, вибрирующий бас, похожий на гул землетрясения, но в нем не было злобы. Только вековая усталость. — Здравствуй, маленькая тень. Ты пахнешь так же, как и тогда. Что ты хочешь, чтобы я сделал? Кира позволила себе облегченно

выдохнуть. Она протянула руку и коснулась шершавой, теплой чешуи на его морде. — Мне нужно, чтобы ты помог мне, — прошептала она вслух, продолжая гладить его. Она достала из сумки Дэймона завернутый в ткань кусок сырой, кровоточащей оленины — остатки их ужина в лесу — и бросила его перед носом дракона. Слепой Ярость не стал есть сразу. Он сначала втянул запах мяса, а затем подтолкнул его носом ближе к Кире, словно предлагая ей разделить трапезу. — Нет, это тебе, — улыбнулась она. — Мой товарищ... ему нужно добраться до Плато. Очень быстро. И очень тихо. Дракон наконец взял мясо одним движением гигантских челюстей. Прожевав, он снова выдохнул дым, на этот раз с нотками озона. — Ради тебя, маленькая тень... Я помогу ему. Забрасывать на спину слепого старика — сомнительная честь, но я помню твой вкус. Кира благодарно прижалась лбом к его чешуе, но в этот момент Слепой Ярость внезапно замер. Его ноздри снова дрогнули, на этот раз агрессивно, втягивая воздух за спиной Киры. Он принюхивался к запаху Дэймона. Ментальная связь в голове Киры резко изменилась. Сонная леность исчезла, сменившись острым, звенящим напряжением. — Так это твой друг... — голос дракона в её голове стал острым, как лезвие. — Тот, кто исчез. Командир. Я чую его пепел. Огонь, который выжег сам себя. Кира резко обернулась. Дэймон стоял в тени у входа в загон, скрестив руки на груди. Он не пытался прятаться, просто наблюдал. Слепой Ярость медленно, с кряхтением поднялся на все четыре лапы. Земля под ногами едва заметно дрогнула. Белесые глаза дракона, не видящие света, были теперь направлены точно на Дэймона. Он склонил свою огромную голову в низком, почтительном поклоне, от которого Кире заложило уши. Но как он выжил? — пророкотал дракон в голове Киры, и в этом вопросе звучало не просто любопытство, а леденящий ужас. — Я чую на нем дыхание Пустоты. Он не должен ходить.

Кира сама не знала, что произошло с отрядом «Пепельных клинков» полгода назад. В Академии ходили только слухи о предательстве и выжженной земле, но правду знал только стоящий за её спиной человек. И, кажется, этот дракон. Тяжелые шаги Дэймона эхом разнеслись по пещере. Он вышел из тени, остановившись рядом с Кирой, но не касаясь её. Слепой Ярость мгновенно повернул свою огромную голову на звук и запах. Белесые, невидящие глаза смотрели прямо на всадника, но Кира знала — дракон "видит" его насквозь, чувствует жар его проклятой крови и холод Пустоты, о которой он только что говорил. Кира сглотнула, переводя взгляд с морды дракона на напряженный профиль Дэймона. Нужно было заканчивать этот разговор, пока старый ящер не передумал или не решил, что его бывший командир — слишком опасный груз. — Ну так что? — спросила она вслух, снова обращаясь к дракону и стараясь, чтобы голос не дрожал. — Ты поможешь мне? Слепой Ярость долго молчал. Он медленно опустил свою гигантскую голову, почти касаясь носом земли, и втянул запах Дэймона еще раз. Затем он так же медленно поднял её, и из его ноздрей вырвался клуб густого, сизого дыма. Дракон медленно, с достоинством старого аристократа, кивнул массивной головой. — Я понесу его, маленькая тень, — пророкотал он в голове Киры. — Я помню его руку. Он был достойным командиром. Но я не служу бесплатно. Кира уже открыла рот, чтобы спросить, чего он хочет — еды, золота? — но дракон продолжил, и его ментальный голос стал жестким, как скрежет металла: — Он мне должен. Одну услугу. Когда придет время и я позову, он сделает то, что я попрошу. Без вопросов. Без отказа. Передай ему это. Кира обернулась к Дэймону. Она ожидала увидеть на его лице гнев или высокомерие, но тот лишь едва заметно наклонил голову. Старый командир понимал правила игры. Он смотрел прямо в белесые глаза дракона. — Я принимаю твои условия, — хрипло ответил Дэймон вслух. — Ты знаешь, где меня найти, когда понадобишься. Слепой Ярость удовлетворенно фыркнул, выпустив струю горячего пара. — Хорошо, — пророкотал он, на этот раз, кажется, для них обоих. — Идите. Рассвет скоро сменится тревогой. Залезайте. Дракон тяжело опустился на брюхо, подогнув передние лапы и выгибая длинную шею, чтобы им было удобнее забраться. Его чешуя оказалась на удивление теплой, почти горячей, и пульсировала в такт медленному, глубокому дыханию. Кира посмотрела на Дэймона. Высота спины дракона была больше двух человеческих ростов. — После тебя, командир, —

тихо сказала она, отступая в сторону. — Только... постарайся не упасть, пока будешь меня подсаживать. Уголок губ Дэймона дернулся в усмешке. Он подошел к ней вплотную, игнорируя личное пространство, обхватил за талию сильными, горячими руками и легко, словно она весила не больше перышка, забросил на шею дракона. Кира судорожно вцепилась в роговые наросты, чувствуя, как вибрирует под ней древняя мощь. Через секунду он оказался рядом, тяжело перекинув ногу через основание шеи. — Держись крепче, Морриган, — прошептал он ей на ухо, его горячее дыхание коснулось её шеи. — И молись, чтобы Инквизиция не умеет летать. Слепой Ярость издал низкий, вибрирующий рык, от которого с потолка пещеры посыпалась каменная крошка, и начал медленно, а затем всё быстрее и быстрее разворачиваться в тесном загоне, направляясь к выходу в утреннее небо.

Слепой Ярость мощным толчком задних лап оттолкнулся от края скалы. Это не был плавный взлет. Это был выстрел. Огромное тело старого дракона, вопреки законам природы, рванулось вперед и вверх с ускорением снаряда. У Киры перехватило дыхание, желудок подскочил к горлу. Ветер ударил в лицо ледяным кулаком, вышибая слезы. Они пробили низкие, серые облака за считанные секунды, и мир внизу исчез, превратившись в бесконечное, кипящее море тумана. Кира закричала, но звук тут же унесло ветром. Она вцепилась в Дэймона так, что побелели костяшки пальцев, обвив его торс ногами и руками, вжимаясь спиной в его широкую, раскаленную грудь. Она чувствовала каждый его вдох, каждый удар его сердца, который, казалось, бился в унисон с ревом драконьих крыльев. Дэймон не пытался её успокоить. Он просто крепко обхватил её руками поверх своих, фиксируя их обоих на шее зверя, и наклонился к её уху, перекрывая гул ветра: — Держись за меня, а не за чешую. Если сорвешься, я не смогу тебя поймать. Когда они поднялись выше облаков, в ослепительную синеву рассвета, Слепой Ярость выровнялся, перейдя в горизонтальный полет. Кира немного отдышалась, судорожно глотая воздух, но хватку не ослабила. Она всё еще дрожала. — На Плато, — хрипло скомандовал Дэймон дракону. — Полным ходом. Слепой Ярость согласно рыкнул, но вместо того чтобы продолжить путь на север, к свободе, он заложил крутой вираж. Его огромное крыло заслонило солнце. — Что ты... — начала было Кира, но осеклась, увидев, как внизу, под ватным одеялом облаков, снова показалась темная полоса гор, а за ними — серая, неприступная громада Академии Аркас. Дэймон почувствовал, как она напряглась. — Что ты делаешь? — её голос сорвался на панический шепот. — Куда мы летим?! — В Аркас, — ровно ответил он, не оборачиваясь. Его дыхание было спокойным. — Я попрошу его вернуть тебя к твоему окну. Кира замерла. Холод, который она чувствовала от его ожогов, теперь казался ей ледяным панцирем, сковавшим всё её тело. Она поняла. Он не бежит. Он просто избавляется от свидетеля. Если она вернется в свою постель до пробуждения, никто не узнает, что она покидала казармы. Её не будут допрашивать. Её не потянут за собой на виселицу как соучастницу. Он всё спланировал. Даже её спасение было лишь частью его плана по собственному побегу. — Нет, — прошептала она. — Нет, Дэймон, не делай этого. Он почувствовал, как её хватка на его руках ослабла. Она попыталась отстраниться, но он держал её железной хваткой. — Прости, — его шепот на ухо был едва слышен за свистом ветра, но каждое слово било наотмашь. — Но так будет лучше. Для тебя. Я всё равно вернусь на нем в Аркас, когда всё закончится. Тебя просто найдут в кровати, и никто ничего не узнает. — Я не хочу обратно! — закричала она, пытаясь перекрыть ветер, и в её голосе зазвенели слезы. — Я помогала тебе! Я рисковала всем! Ты не можешь просто... — Я могу всё, Морриган, — отрезал он, и его голос снова стал голосом командира «Пепельных клинков» — холодным и беспощадным. — Это не обсуждается. Слепой Ярость начал снижаться по широкой дуге, заходя на западное крыло Академии. Кира уткнулась лбом ему в спину, зажмурившись. Ветер хлестал по лицу, но она больше не пыталась вырваться. Она почувствовала, как по щекам, смешиваясь с ветром, потекли горячие, горькие слезы. Она плакала не от страха высоты. Она плакала от того, насколько глупой и наивной была. Она думала, что поцелуй в пещере что-то значил. Она думала, что они — команда. А он просто использовал

её, чтобы спасти свою шкуру, и теперь вежливо выставлял за дверь, как ненужную служанку. Они влетели в зону влияния Академии. Внизу замелькали сторожевые башни. Кира вжалась в Дэймона, содрогаясь от беззвучных рыданий, и впервые за эти сутки почувствовала себя по-настоящему, смертельно одинокой.

Дракон опустился на крышу Северной башни с грацией, неожиданной для его размеров. Ящер сложил крылья, и черепица под их ногами жалобно заскрипела. Кира всё еще дрожала, вжимаясь в Дэймона, не в силах разжать пальцы, сведенные судорогой. — Мы на месте, — его голос прозвучал над самым ухом. Он не был нежным, но в нем больше не было того ледяного металла. Скорее, глухая, деловитая усталость. Он мягко, но настойчиво разжал её руки на своей груди и талии, помогая ей соскользнуть со спины дракона на наклонную, скользкую крышу. Его ладони всё еще были горячими, и Кира почувствовала укол разочарования, когда тепло исчезло. — Теперь иди, — Дэймон кивнул в сторону мансардного окна её казармы, расположенного чуть ниже по скату. — Только аккуратно. Черепица старая, она крошится. И не говори никому. Когда я прибуду в Академию Аркас, ты меня увидишь. Он не стал ждать ответа. Это был приказ, а не прощание. Дэймон одним плавным движением снова оказался на шее дракона. Слепой Ярость издал низкий, вибрирующий рык, от которого задрожали стекла в окнах башни, и мощным толчком сорвался с места, уходя в пике к северным воротам, в сторону Плато Ветров. Кира стояла на крыше, обхватив себя руками, и смотрела ему вслед. Фигура всадника и очертания старого дракона быстро уменьшались, растворяясь в утренней дымке, пока не превратились в едва различимую точку на горизонте. Она осталась одна. На высоте птичьего полета. Снаружи — холодный ветер. Внутри — ледяная пустота. Паника накатила удушливой волной. Что, если кто-то из дежурных магов видел их на подлете? Что, если Нолан уже поднял тревогу? Её комната — первое место, куда придут с обыском. Кира встряхнулась, сбрасывая оцепенение. Нужно было двигаться. Она пригнулась, стараясь держаться конька крыши, чтобы её силуэт не был виден со двора. Черепица хрустела под мягкими подошвами туфель. Добравшись до края, она посмотрела вниз. До окна было около трех метров, а плющ, который она считала надежной опорой, выглядел слишком тонким и мокрым от росы. — Давай, Морриган, — прошептала она сама себе. — Ты же не хочешь встретить рассвет в кабинете ректора. Она перекинула ноги через край, нащупывая опору. Плющ больно впился в ладони, срывая кожу, но выдержал. Кира повисла на руках, раскачалась и мягко спрыгнула на узкий каменный подоконник. Рама поддалась с тихим, благодарным щелчком — она никогда не забывала смазывать петли. Кира бесшумно скользнула в свою комнату. Внутри было темно, душно и пахло пылью и лавандой — запахом безопасности, который сейчас казался чужим. Она тут же метнулась к двери, припала ухом к щели. В коридоре кадетов стояла мертвая тишина. Только где-то далеко, в другом крыле, гулко пробил колокол — смена караула. Она закрыла окно, задвинула тяжелые шторы и на цыпочках прокралась к своей кровати. Скинув грязную, пропахшую дымом и драконом одежду прямо на пол, она юркнула под тонкое шерстяное одеяло, свернувшись в клубок. Её всё еще трясло. Но теперь это был не холод высоты. Кира лежала, глядя в темноту широко открытыми глазами, и прислушивалась к каждому шороху за стеной. Она ждала. Ждала тяжелого стука в дверь. Ждала голоса дежурного офицера: — Кадет Морриган, на выход. Ждала, когда за ней придут из Инквизиции. Она только что помогла сбежать государственному преступнику. И самое страшное было не в том, что её могли казнить. Самое страшное было в том, что Дэймон Блэквуд, ради которого она всё это сделала, выбросил её, как только она перестала быть полезной.

Кира лежала в кровати, уставившись в потолок. Сон не шел. Солнечный луч, пробившийся сквозь щель в шторах, медленно полз по стене, освещая пылинки в воздухе. Её мысли снова и снова возвращались в темный, узкий тоннель. К каменной стене, пахнущей сыростью. К внезапному теплу его губ. К тому, как его рука жестко, но уверенно держала её затылок, не давая отстраниться. Она помнила вкус пепла и озона. Помнила, как бешено колотилось её

сердце, когда она поняла, что патруль проходит всего в паре метров от них. И сейчас, в безопасности своей комнаты, под защитой каменных стен Аркаса, она хотела этого снова. Хотела увидеть его. Обнять. Услышать его ядовитый голос. Это было безумием, но желание было сильнее страха. Деймон... — мысленно прошептала она, закрывая глаза. Тук-тук-тук. Звук был резким, громким, как выстрел в утренней тишине. Кира подскочила на кровати так, словно её ударило током. Сердце рухнуло в пятки. — За мной. Они пришли. Нолан сдал. Инквизиция здесь. Она судорожно пыталась вспомнить, успела ли спрятать в сумку остатки «Слез феникса». Пальцы дрожали. — Кто? — голос сорвался на хриплый писк. — Эй, соня, ты там долго спать будешь? — раздался из-за двери знакомый, звонкий голос. — Подъем был полчаса назад! Вэнса удар хватит, если ты снова опоздаешь на гербологию. Кира осела на пол, хватая ртом воздух. Это была Мила. Просто Мила. Она с трудом поднялась, ноги всё еще подкашивались от пережитого ужаса. Подошла к двери, распахнула её. — Привет, Мила, — Кира попыталась выдавить улыбку, но губы едва слушались. — Я... я только проснулась. И не могла уснуть. Плохо спала. Мила, её соседка по этажу и единственная подруга в Академии, окинула её внимательным взглядом. Она заметила и бледность Кире, и то, как дрожат её руки, но списала это на недосып. — Выглядишь так, будто тебя всю ночь пытали на допросе, а не учили лечить подорожник, — хмыкнула Мила, проходя в комнату и бросая сумку на свою кровать. — Хотя, учитывая новости, неудивительно. Кира замерла с сапогом в руке. — Какие новости? — спросила она слишком ровным голосом. — Ты что, правда ничего не слышала? — Мила округлила глаза. — Сегодня я слышала краем уха, что ты нашла Дэймона Блэквуда. Того, который пропал полгода назад. И то, что он сбежал из лазарета. Кира медленно опустилась на край своей кровати. В ушах зазвенело. *«Они уже знают. Утро только началось, а стены уже шепчут».* Она заставила себя усмехнуться, играя роль возмущенной праведницы. — Ну, то, что я нашла — это правда. А то, что сбежал — это плохо. Вот идиот. Я же говорила Нолану, что его нельзя оставлять без присмотра с такими ожогами. Теперь весь гарнизон на ушах. Мила пожала плечами, доставая учебник. — Говорят, его видели на драконе. Будто бы он вылетел из-под Северной башни. Представляешь? Целый боевой дракон. Если его поймают, его же казнят как предателя. Кира смотрела на подругу, кивала, отвечала что-то про устав и дисциплину, но не слышала ни слова. Внутри всё оборвалось. Они ищут его. Уже объявили его предателем. А я... я помогла ему уйти. Мила, закончив переодеваться, махнула ей рукой: — Ладно, я в столовую. Если проспий Вэнса, он заставит тебя пересаживать мандрагоры голыми руками. Удачи. Дверь закрылась. Кира осталась одна. Она сидела на кровати, сжимая в руках холодный сапог, и смотрела в стену. — Деймон, — прошептала она в пустоту комнаты. — Что мы с тобой наделали.

Девушка сидела на кровати еще несколько минут после ухода Милы, пока звон колокола, созывающего на завтрак, не заставил её вздрогнуть. Паника — плохой советчик. Она заставила себя дышать. Если она будет вести себя как обычно, никто ничего не заподозрит. Она просто кадетка, которая плохо спала. Она встала. Движения были механическими, отточенными годами муштры. Кожаная форма: плотные штаны, защищающие от ожогов и порезов, туника. Волосы: она расчесала их жесткой щеткой, заплела тугую, тяжелую косу, перекинув её через плечо. Ни один волосок не выбился. Сапоги: она натянула высокие, до колена, сапоги на шнуровке, тщательно пряча узлы. Она посмотрела на себя в небольшое зеркало над умывальником. На неё смотрела Кира Морриган — идеальный кадет. Если не заглядывать в глаза, где плескался холодный ужас. Кира открыла дверь и вышла в коридор. Она шла по каменным плитам в сторону лестницы, ведущей на первый этаж, к столовой. Старалась держать спину прямо, шаг — ровным. Она кивала встречным кадетам, здоровалась с преподавателями. Никто не смотрел на неё с подозрением. Пока. Она уже взялась за массивное бронзовое кольцо двери, ведущей на лестничную площадку, когда путь ей преградила высокая тень. — Кадет Морриган. Кира замерла. Нолан. Магистр целительства стоял, скрестив руки на груди. На нем не было привычного заляпанного кровью фатка — только строгая черная мантия. Выглядел он так,

будто не спал всю ночь, и его терпение подошло к концу. Он не смотрел на неё гневно. Он смотрел изучающе, и от этого холодного профессионального интереса Кире стало страшнее, чем от крика. — Магистр, — она постаралась, чтобы голос звучал ровно. — Я как раз шла на завтрак. — Вы его пропустите, — отрезал Нолан. — Нам нужно поговорить. Сейчас. Он взял её за локоть. Хватка была железной. — Но столовая... — В мой кабинет мы не пойдем, — он мотнул головой в сторону лестницы. — Слишком много ушей. Сюда. Он буквально втолкнул её в первую попавшуюся открытую дверь. Это оказался пустой кабинет гербологии — пахло землей, перегноем и формалином. Нолан вошел следом и закрыл дверь на ключ. Щелчок замка в тишине прозвучал как удар гильотины. — Где вы были всю ночь? — спросил он без предисловий, присев на край преподавательского стола. Он не повышал голос, но каждое слово било наотмашь. Кира остолбенела. Она вжалась спиной в дверь, чувствуя, как по позвоночнику течет холодный пот. — В своей кровати, — ляпнула она первое, что пришло в голову. Слишком быстро. Слишком испуганно. Брови Нолана сошлись на переносице. — Не лгите мне. Я чувствую магию льда на ваших руках. Глубокое обморожение. Такое бывает, когда отдаешь слишком много сил на заморозку реки. Или когда держишь кого-то, кто горит изнутри. Он подался вперед. Его глаза были темными и безжалостными. — А теперь главный вопрос. Как Блэквуд сбежал? Кира открыла рот, но из горла не вырвалось ни звука. Воздуха не хватало. Она смотрела на Нолана и видела не целителя. Она видела дознавателя. Он знал про реку. Он знал про ожоги. Он сложил два и два. Она не знала, что сказать. Сказать правду — значит подписать себе приговор как соучастнице побега. Солгать — значит выставить себя дурой, которая не уследила за пациентом, что всё равно приведет к трибуналу за халатность. Она стояла, прижимая руки к груди, и просто смотрела на него, не в силах выдать ни слова. Её идеальный кадетский фасад рассыпался в прах. Нолан всё так же сидел на столе, терпеливо ожидая ответа, и тишина в кабинете с запахом земли становилась невыносимой.

Кира судорожно сглотнула. В горле пересохло так, что каждый вдох давался с болью. Запах земли и удобрений в гербологическом кабинете внезапно стал удушливым. Нолан сидел на столе, расслабленно положив руки на колени, но его взгляд был прикован к ней, словно гарпун. — Если будешь его покрывать, кадет Морриган, — голос магистра был тихим, почти ласковым, и от этого звучал еще страшнее, — то пойдешь соучастницей. Укрывательство государственного преступника, пособничество в побеге, кража боевого артефакта... Инквизиция будет рада с тобой побеседовать. У них в подвалах очень холодно. Идеально для твоего ледяного дара. Он сделал паузу, давая словам впитаться. Кира почувствовала, как ноги становятся ватными. Инквизиция. Каменные мешки. пытки. Они вытянут из неё всё, и тогда Дэймона найдут в течение суток. Нолан чуть наклонил голову, изучая её лицо. — Я еще раз повторюсь: где Блэквуд? — он подался вперед, упираясь ладонями в стол. — Скажи мне, где он. Куда он направился. Если ты скажешь, я не скажу, что ты в этом замешана. Я зафиксирую в отчете, что ты потеряла сознание от магического истощения еще до его побега. Ты просто проснешься утром в лазарете и пойдешь на свой завтрак. Никакого трибунала. Никакой Инквизиции. Всё просто. Это было идеальное предложение. Слишком идеальное. Всего одно слово — «Плато» — и всё закончится. Она вернется к гербологии, к Вэнсу и его мандрагорам. Она будет жить. Кира смотрела на него. Она видела лазейку. Видела выход. Но перед глазами стояло лицо Дэймона в пещере. Его тяжелое дыхание. То, как он нес её на руках, когда она подвернула ногу. И холодный, расчетливый поцелуй у стены, который всё равно почему-то жег губы. Она не могла. Это было бы предательством не только его, но и чего-то внутри неё самой. — Я... я не знаю, — выдавила она. Голос был чужим, хриплым. — Он... он просто оттолкнул меня и побежал. Я упала. Я ударилась головой. Я очнулась уже в своей кровати. Нолан долго смотрел на неё. В кабинете стояла такая тишина, что было слышно, как капает вода из лейки в дальнем углу. Он видел ложь. Он видел её прямо сейчас, сочащуюся из каждой поры её кожи. Магистр целительства медленно выдохнул и выпрямился. В его глазах мелькнуло что-то похожее на разо-

чарование.— Жаль, — тихо произнес он. — Очень жаль, Кира. Я хотел верить, что ты умнее. Он встал со стола, подошел к двери и повернул ключ, возвращая её в реальность щелчком металла.— Раз так, — сказал он, открывая дверь и жестом приглашая её выйти, — завтрак отменяется. За мной. К ректору. И советую молиться, чтобы у него было хорошее настроение. Оно ему сегодня понадобится.

Кира шла по коридору вслед за Ноланом. Её ноги двигались сами по себе, механически переступая через плиты пола. Слева — стена. Справа — высокие арочные окна, за которыми раскинулся внутренний двор Академии. Солнечный свет казался ей сейчас неуместно ярким, почти оскорбительным. Студенты спешили на занятия, смеялись, неся под мышкой свитки. Для них этот день был обычным. Для неё — последним. Она не знала, что делать. Ректор Аркаса — это не Нолан. Это политик. Если Нолан давил на страх перед Инквизицией, то ректор будет давить на её преданность Академии. У них есть её подпись в журнале лазарета. У них есть свидетель — она сама, которая привела Дэймона. Отрицать факт — значит выставить себя сумасшедшей. Признать — значит подписать себе приговор. — Думай, Морриган, думай! — билась в голове паническая мысль, пока они спускались по главной лестнице в административный корпус. В голове было пусто. Никакого плана. Никакой лазейки. Она была просто кадетом, попавшим в жернова государственной машины. Её мысли перескочили на Дэймона. — Когда он вернется? Он же сказал, что вернется на драконе. Он обещал. Он не мог просто бросить меня здесь, зная, что меня схватят. Эта мысль была похожа на тонкую соломинку, за которую хватается утопающий. Она цеплялась за неё с отчаянной, иррациональной надеждой. — Быстрее, кадет, — сухо бросил Нолан, не оборачиваясь. — Ректор не любит ждать. Кира вздрогнула и ускорила шаг. Но её взгляд снова метнулся к окнам. Каждый раз, когда они проходили мимо застекленного проема, она невольно поворачивала голову, всматриваясь в серое небо над горами. Она искала черную точку. Очертания крылатого ящера. Любое движение, которое не было бы полетом обычной птицы.* «Ну же, Дэймон. Сейчас. Вылети из-за туч. Спикируй во двор. Пусть все видят. Пусть они боятся. Скажи им, что я здесь ни при чем. Что я просто стояла рядом. Я здесь ни при чем... — Она почти видела это. Как он приземляется на плац, как спрыгивает на землю — целый, здоровый, в своей черной форме «Пепельных клинков». Как идет прямо к кабинету ректора, распахивает дверь и говорит своим низким, пробирающим до мурашек голосом: — Я здесь, рядом. Не трогайте её. Они остановились перед массивными дверями из мореного дуба. Секретарь ректора, сухая женщина в очках, подняла на них взгляд. — Магистр Нолан? Ректор ждет. Нолан положил тяжелую руку на плечо Кире, разворачивая её лицом к двери. — Иди, — сказал он ей тихо, почти сочувственно. — И молись, чтобы он поверил в твою амнезию. Кира сделала шаг к двери. Её рука легла на холодную медную ручку. Она обернулась через плечо, бросив последний, затравленный взгляд в окно коридора. Небо было чистым и пустым. Ни дракона. Ни всадника. Только холодный осенний ветер гнал по двору опавшие листья. Надежда, за которую она так цеплялась, с сухим треском сломалась. Она осталась одна. Кира опустила голову, чтобы Нолан не видел навернувшихся на глаза слез, и толкнула тяжелую дверь в кабинет ректора.

Она сделала глубокий вдох, пытаясь унять дрожь в коленях, и перешагнула порог. — Разрешите войти? — голос прозвучал слишком тихо, и она прочистила горло. — Кадет Морриган по вашему приказанию. Кабинет ректора Элиаса был огромным, отделанным темным дубом и пахнувшим старой кожей и полиролью. Свет сюда проникал скупое, через тяжелые шторы, создавая атмосферу скорее допросной, чем учебного заведения. За массивным столом, больше похожим на саркофаг, сидел сам Элиас — человек с лицом, похожим на высохшее яблоко, и глазами, в которых не отражалось ничего, кроме устава. — Присаживайтесь, кадет, — ректор указал узловатым пальцем на жесткий стул для посетителей, стоящий точно по центру ковра. Нолан остался стоять у двери, скрестив руки на груди, — безмолвный свидетель обвинения. Кира села на самый край стула, выпрямив спину так, что заныли лопатки. Она сложила

руки на коленях, чтобы ректор не видел, как белеют костяшки пальцев. — Итак, Морриган, — Элиас сложил пальцы домиком и посмотрел на неё поверх них. — Магистр Нолан доложил мне весьма... тревожные сведения. О вашем ночном визите в лазарет. И о последующем исчезновении Дэймона Блэквуда. Начнем с простого. Где вы были между двумя и четырьмя часами ночи? Кира открыла рот. Она должна была сказать про амнезию. Про удар головой. Но слова застряли в горле. Смотреть в эти пустые глаза было невозможно. Она опустила взгляд на узор ковра. — Я... я была в лазарете, господин ректор. Я принесла остатки мазей. Я... я заснула там. — Заснули? — переспросил Нолан от двери. — В кресле в коридоре? В то время как ваш пациент выломал замок и испарился? — Я не слышала... — пролепетала Кира. — Я очень устала... — Куда он направился, кадет? — перебил её ректор. Его голос был лишен эмоций, и это пугало больше всего. — Блэквуд — боевой маг высшего ранга. Он не просто сбежал, он забрал с собой информацию. Если вы что-то знаете, сейчас самое время это озвучить. Чистосердечное признание смягчит вашу участь. Кира почувствовала, как к горлу подступает истерика. Они загнали её в угол. Она не могла сдать Дэймона, но и не могла защитить себя. Она зажмурилась, чувствуя, как по щеке ползет предательская слеза. «Деймон... где же ты...» — мысленно взмолилась она. И вдруг в её голове, разрывая пелену паники, раздался голос. Он не был похож на человеческий — это был низкий, вибрирующий рокот, похожий на землетрясение, но в нем чувствовалась неожиданная, почти материнская забота. — Не бойся, птенец. Я помогу тебе. Кира резко распахнула глаза. Она дернулась на стуле, оглядываясь. Нолан и ректор ничего не слышали. Голос звучал прямо внутри её черепа, заполняя собой всё пространство. — Это я. Нокс. Слушай меня внимательно. У тебя в кармане плаща — флакон с успокоительным. То самое, что Нолан давал тебе от ожогов. Вылей половину в его чайник. Он стоит слева от тебя, на столике. Пей свой чай. Выгляди спокойной». *Кира замерла. Её взгляд метнулся к столу ректора. Действительно, там стоял серебряный чайничек на подставке, от которого шел пар. Элиас как раз потянулся к нему, чтобы налить себе воды. — Кадет Морриган, я жду ответа, — поторопил ректор, берясь за ручку чайника. Кира медленно, стараясь не делать резких движений, сунула руку в карман своего плаща. Пальцы нащупали холодное стекло. Флакон. — Я... я не знаю, где он, — прошептала она, глядя на ректора. Она действовала на чистом автопилоте, подчиняясь воле дракона. — Он... он оттолкнул меня. Её рука дрогнула. Она незаметно свинтив крышку, наклонила флакон над своей чашкой — нет, над чайником. Темная, пахнущая мятой и валерианой жидкость капнула внутрь. Две капли. Три. Половина. — Оттолкнул? — Элиас нахмурился, наливая кипяток в чашки. — Почему? — Он сказал... он сказал, что если я буду мешать, он меня сожжет, — выпалила Кира первое, что пришло в голову, не отрывая глаз от чайника. — Я испугалась. Я убежала. Ректор подал ей чашку с чаем. Нокс в её голове тихо, удовлетворенно зарычал. — Умница. А теперь пей. Медленно. И молись своим ледяным богам, чтобы этот старый ящер ничего не заподозрил. Кира дрожащими пальцами приняла чашку. Горячий фарфор обжег ладони. Она поднесла её к губам, стараясь скрыть нервную улыбку, которая сама собой появилась на лице от облегчения. Внутри её разума, сквозь ментальную связь, она чувствовала колоссальную, древнюю мощь Нокс, которая сейчас была сосредоточена на одной задаче — вытащить своего кадета из этой клетки. — Допейте, Морриган, — кивнул ректор, делая глоток из своей чашки. — И расскажите мне всё с самого начала. С того момента, как вы решили, что ночью в лазарете — самое место для кадета. Кира сделала глоток. Чай был горьковатым. Она посмотрела прямо в глаза ректору. — С самого начала, господин ректор, — твердо сказала она. — Всё началось с «Слез феникса» в Железном лесу. Нокс в её голове довольно фыркнул. — Вот так. Дай ему правду. Но только ту часть, которую мы ему позволим увидеть.

Кира сделала еще один глоток чая. Жидкость теплом разлилась по желудку, но ясность в голове была не её собственной. Это был холодный, древний разум Нокс, который сейчас сидел в её черепе, как в кресле пилота, управляя её словами. — ...и тогда я поняла, что он не собирается меня убивать, — ровным, почти монотонным голосом продолжала она. — Он про-

сто хотел уйти. Он сказал, что Инквизиция убила его отряд, и он не вернется. Я не стала его останавливать, потому что... — она сделала паузу, подбирая слово, которое вложил в её разум дракон, — ...потому что лезть под руку боевому магу, находящемуся в состоянии аффекта, противоречит протоколу безопасности кадета. Нолан у двери едва слышно скрипнул зубами. Это была идеальная, выверенная ложь. Ложь, котораяставляла Киру не предательницей, а дисциплинированным солдатом, соблюдающим устав даже под угрозой смерти. Но он знал, что она не такая. Он видел её панику. Он чувствовал запах страха в том кабинете гербологии. Сейчас перед ним сидела кукла с заученным текстом. Вдруг дверь кабинета без стука распахнулась. Нолан резко обернулся, инстинктивно кладя руку на пояс, где обычно висел кинжал. На пороге стоял секретарь ректора, бледный как полотно. — Прошу прощения, господин Ректор. Срочное донесение из лазарета. Элиас медленно моргнул, словно просыпаясь, и кивнул. — Входите. Секретарь поспешно подошел к столу и положил перед ректором пергамент. Элиас пробежал его глазами. Его лицо, до этого выражавшее лишь сухой интерес следователя, не изменилось ни на йоту. — Благодарите, вы свободны, — сказал он секретарю. Когда дверь закрылась, ректор поднял взгляд на Нолана. Его глаза были абсолютно, пугающе пустыми. — Продолжайте, кадет Морриган, — произнес Элиас всё тем же ровным, лишенным эмоций голосом. — Что было дальше? Нолан шагнул в комнату. Он смотрел не на Киру. Он смотрел на Элиаса. Магистр целительства подошел к столу ректора, игнорируя правила приличия. Он положил ладонь на столешницу, закрывая глаза и концентрируясь. Его магия — тонкая, почти невидимая нить диагностического плетения — потянулась к разуму ректора. Он искал следы ментального воздействия. Ищущие чары. Иллюзии. Ничего. Разум ректора Элиаса был... чист. Слишком чист. В нем не было ни паники, ни гнева, ни даже обычного раздражения от прерванного допроса. Это была гладкая, спокойная, пустая заводь. Элиас не был под заклятием контроля — он просто *согласился*. Он был абсолютно, неестественно умиротворен тем, что слышит. Для него история Киры звучала как логичный, единственно верный отчет о дежурстве. — Элиас, — тихо, но твердо сказал Нолан, убирая руку от стола. — Она лжет. Ректор перевел на него взгляд. В его глазах не было раздражения на дерзость подчиненного. Только вежливое недоумение. — Магистр Нолан, — всё так же спокойно ответил он. — Кадет дает показания. Не мешайте следствию. Сядьте. Нолан остался стоять. Он смотрел на Киру. Она сидела всё в той же позе, держа чашку двумя руками, и смотрела прямо перед собой. Её глаза не бегали. Она не нервничала. Она выглядела как человек, который только что принял сильнейшее успокоительное. Но Нолан знал: она не пила зелье. Зелье сейчас плескалось в чайнике Элиаса. — Сядьте, Нолан, — повторил ректор, и в его голосе впервые прорезался металл. — Или я буду вынужден расценить это как помеху правосудию. Нолан медленно опустился на свободный стул. Он проиграл. Прямо сейчас, в этом кабинете, он был единственным, кто видел правду, но власть была на стороне того, чей разум сейчас мягко, но непреклонно убаюкивала Нокс. Кира же, повинаясь беззвучному приказу в голове, продолжила: — Дальше... дальше я пошла в свою комнату. Я очень устала, господин Ректор. Я не знала, что он улетел на драконе, пока мне не сказала Мила утром. Элиас медленно кивнул, делая пометку в пергаменте. — Благодарю за сотрудничество, кадет. Вы поступили согласно уставу. Можете быть свободны. Ожидайте в коридоре. Кира встала, аккуратно поставила пустую чашку на стол, кивнула ректору, бросила короткий, ничего не понимающий взгляд на Нолана и вышла. В кабинете повисла тяжелая тишина. Элиас отложил пергамент и сцепил пальцы в замок. — А теперь, Нолан, — сказал он, и его голос снова стал голосом ректора, а не загипнотизированного чиновника. — Объясните мне, почему вы врываетесь ко мне с обвинениями в адрес кадета, которая только что подтвердила свою непричастность. И почему от вашего присутствия у меня второй час раскалывается голова.

Кира закрыла за собой тяжелую дубовую дверь кабинета ректора и прислонилась к ней спиной с обратной стороны. Из-за толстого дерева доносился приглушенный, но всё еще властный голос Элиаса, который теперь требовал объяснений у Нолана. Кира не стала задержи-

ваться, чтобы дослушать. Она медленно сползла по двери на пол, обхватила колени руками и впервые за это утро позволила себе улыбку. Широкую, дрожащую, абсолютно счастливую улыбку. В её разуме, теплом и бархатным одеялом, разлилось присутствие Нокс. «Умница, маленькая тень, — пророкотал дракон. Его ментальный голос вибрировал от удовольствия. — А ты боялась. Не забывай, что я всегда на твоей стороне». Кира прижала ладонь к груди, где под форменной туникой всё еще бешено колотилось сердце. — Спасибо, — прошептала она в пустоту коридора. — Ты действительно мне помог. Я твоя должница. Нокс в её голове тихо, раскатисто рассмеялся. «Твой долг, птенец, — ответил он, и в его тоне послышалась серьезность. — Мы будем вместе до конца. Защищать друг друга. А остальное не важно». Это обещание древней, несокрушимой силы заставило Киру почувствовать себя в безопасности впервые с того момента, как она вошла в пещеру. Но эта безопасность была хрупкой. Она поднялась на ноги и медленно пошла по коридору в сторону лестницы, ведущей к выходу из административного корпуса. Мысли снова вернулись к нему. «Как думаешь... — мысленно обратилась она к дракону, боясь произнести имя вслух, пока стены академии давят на неё. — Как думаешь, он вернется в Аркас? Или... он просто обманул меня, чтобы я помогла ему сбежать?» Нокс ответил не сразу. Она почувствовала, как его ментальное присутствие становится тяжелее, задумчивее. Он вздохнул — физически, где-то высоко в небе, и этот вздох эхом прошел по её сознанию. «Вернется твой Блэквуд, — уверенно пророкотал дракон. — Ты сама увидишь его первой». Кира остановилась посреди коридора. Радость горячей волной ударила в голову. Он не бросил её. Он действительно собирался вернуться. Но следом пришла ледяная волна тревоги. Одно дело — сбежать. Другое — вернуться в пасть зверя, который только что пытался тебя сожрать. «Но его же... его накажут, — её мысль стала панической. — Ректор, Инквизиция... Его казнят за измену!» Нокс почувствовал её страх мгновенно. Его присутствие в голове стало жестким, как сталь. «Я же сказал — не бойся, — отрезал он. — Я даже могу сказать тебе кое-что одно. Когда он прилетит сюда, его не накажут». Кира нахмурилась, спускаясь по лестнице. Как дракон может быть так уверен? «Вернут его статус командира, — добавил Нокс, и в его голосе прозвучала нотка древней, политической мудрости. — Всё это... побег, лазарет... будет объявлено частью его задания. Глубоким внедрением. Он вернется героем, а не преступником». Кира чуть не споткнулась на ступеньке. Она застыла на лестничном пролете, вцепившись в перила. — Героем? — выдохнула она вслух. — Ты уверен? Что они... что вы... что всё это подстроено? «Я уверен, маленькая тень, — подтвердил дракон. Его тон не терпел возражений. — А теперь иди. Тебя ждет Вэнс и его мандрагоры. И не вздумай плакать, твои глаза всё еще красные». Связь оборвалась так же внезапно, как и началась. Тепло в затылке исчезло, оставив после себя лишь легкую звенящую пустоту и абсолютную, непоколебимую уверенность в словах ящера. Кира вытерла выступившие от облегчения слезы тыльной стороной ладони. Она глубоко вдохнула, пытаясь унять дрожь. Герой. Она поправила сбившийся воротник формы и пошла вниз. Если Нокс сказал, что Дэймон вернется командиром, значит, так и будет. А пока... пока ей нужно было просто пережить этот день и не сойти с ума от ожидания.

Дверь кабинета ректора распахнулась. Нолан вышел, чеканя шаг. Его лицо было бледным от ярости, а руки сжаты в кулаки так, что побелели костяшки. Он не посмотрел на Киру, которая всё еще стояла у стены, но его голос, холодный как сталь скальпеля, раздался в пустом коридоре: — Мы не закончили, кадет Морриган. Жду тебя в моем кабинете в лазарете. Сразу после занятий. И молись, чтобы у меня под рукой не оказалось сильного слабительного. Я тебя *проучу*. Он развернулся и стремительно зашагал прочь, не дожидаясь ответа. Кира лишь молча кивнула, глядя ему вслед. Угроза была серьезной — Нолан был из тех целителей, чье «проучу» включало в себя неделю чистки выгребных ям голыми руками или клизму из ледяной воды. Но сейчас, после защиты Нокс, гнев магистра вызывал у неё лишь усталую досаду. Она развернулась и пошла к лестнице. Ноги всё еще подкашивались, но теперь уже от пережитого адреналина. Спускаясь по каменным ступеням, она старалась дышать ровно. «Главное

— дойти до гербария, и не упасть». Она была уже на площадке между этажами, когда врезалась во что-то твердое. — Эй, полегче! — раздался веселый, чуть насмешливый голос. — Если ты так спешишь на завтрак, могла бы просто сказать, я бы поделился булочкой. Кира отшатнулась, машинально принимая боевую стойку, и тут же расслабилась. Перед ней стоял Роланд. Он был на курс старше, широкоплечий, с вечно растрепанными русыми волосами и россыпью веснушек на носу. Его мундир был расстегнут на верхнюю пуговицу, а на щеке красовалось пятно от чернил — вечный знак студента, который дописывал конспект за минуту до пары. — Роланд? — выдохнула Кира, чувствуя, как напряжение последних часов начинает отпускать. — Ты меня напугал. Роланд усмехнулся, оглядывая её с ног до головы. Его улыбка была открытой и теплой — полная противоположность хищной усмешке Дэймона или ледяному спокойствию Нолана. — Ты выглядишь так, будто всю ночь отбивалась от виверн в канализации, — он прищурился, заметив её бледность и неестественно прямую спину. — И почему ты в форме? Сегодня же выходной у гербологов, Вэнс уехал на симпозиум. Я думал, ты спишь до обеда. Они знали друг друга с пеленок. Их родители служили в одном гарнизоне, и всё детство Кира и Роланд провели, влипая в неприятности: воровали яблоки в садах префектов, строили крепости в старых штольнях и пытались оседлать дворцовых кошек. Он был единственным человеком в Академии, рядом с которым ей не нужно было играть роль «правильного кадета». — Я... я ходила к ректору, — Кира попыталась придать голосу беспечность, но он всё равно дрогнул. — По поводу успеваемости. Роланд фыркнул. — По поводу успеваемости? Кир, от тебя пахнет валерианой и страхом. И Нолан только что пронесся мимо меня по коридору, как ошпаренный, бормоча что-то про «наглых кадетов». Выкладывай. Что ты опять натворила? Он оперся плечом о перила, скрестив руки на груди. Его взгляд был полон дружеского участия, но Кира знала: он не отстанет. Она посмотрела в его честные, смеющиеся глаза и поняла, что не может сказать ему правду. Он не поймет. Он нормальный. Он не знает, каково это — целовать Огненного всадника в темной пещере или слышать голоса драконов в голове. — Роланд, я... я просто не выпалась, — она попыталась обойти его, но он мягко перехватил её за локоть. — Кир, — его голос стал серьезным. — Мы слишком давно друг друга знаем. Ты белая как стенка. Если это из-за того, что ты опять залила зельем мантию декана, я помогу тебе её чистить. Только скажи. Кира посмотрела на его руку на своем локте. Теплую, надежную. И впервые за утро почувствовала укол настоящей, горькой тоски. Она стояла на лестнице Академии, окруженная камнем и привычной жизнью, в то время как её разум всё еще был там, в горах, с драконом, который обещал, что её враг вернется героем. И она не могла рассказать об этом единственному другу. — Всё в порядке, Роланд, — она мягко высвободила руку. — Правда. Просто... сходи за меня на завтрак? Возьми мне булочку с корицей. Я... мне нужно зайти в библиотеку. Срочно. Она не стала ждать его ответа. Сбежала по оставшимся ступеням, оставив его одного на площадке с удивленным выражением лица. Кира знала, что обидела его, но сейчас у неё не было сил притворяться нормальной. Ей нужно было добраться до своей комнаты, закрыть дверь и просто дождаться, когда на горизонте появится черная точка.

Тяжелая дубовая дверь библиотеки захлопнулась за ней, отсекая шум студенческого гвалта. Кира прислонилась спиной к косяку, закрыла глаза и сделала глубокий, дрожащий вдох. Пахло старой бумагой, пылью и воском — запахами безопасности. Но безопасности она не чувствовала. Она медленно сползла по двери на пол, обхватив колени руками. Роланд остался где-то там, в столовой, с недоеденной булочкой и кучей вопросов в глазах. Она подвела его. Но извиняться или объяснять не было сил. Сейчас существовал только один человек — или, вернее, одно чудовище, — которое занимало все её мысли. Дэймон. Кира уткнулась лбом в колени. "Как он там" - Мысль была навязчивой, болезненной. Она закрыла глаза, пытаясь отгородиться от запаха книг и представить холодный ветер плато. Долетел ли он хорошо? Она помнила, как тяжело он опирался на её плечо в тоннеле. Помнила жар его тела, который, казалось, плавил её собственную кожу даже сквозь одежду. Слепой Ярость — дракон старый и своенравный.

Что, если его старое сердце не выдержало такого рывка после долгой спячки в пещере? Что, если они рухнули где-то в ущелье, и теперь Дэймон лежит со сломанными ногами, а Инквизиция уже накрывает их сетью? Нет, Нокс бы знала. Нокс сказала бы мне, — тут же оборвала она себя, пытаясь ухватиться за эту мысль как за спасательный круг. Дракон обещал, что они связаны. Но обещание — это просто слова." Что у него там сейчас происходит? Она представила себе Плато Ветров. Открытое всем ветрам каменистое пространство, где нет ни единого укрытия. Дэймон, который едва стоит на ногах. Слепой Ярость, который должен приземлиться и не быть замеченным патрулями. Её пальцы впились в ткань брюк. "Он же пошел прямо в пасть зверю. Он вернулся к своим драконам, к своим... бывшим подчиненным. Они же увидят, что он изменился. Что от него пахнет Пустотой. Что он... что он плакал там, в пещере, когда говорил об отряде. Кира поежилась, хотя в библиотеке было тепло. Она вспомнила его лицо в темноте — изможденное, с горящими безумием глазами. Он был страшен. Он был опасен. И она хотела быть рядом с ним. Прямо сейчас. Она хотела влететь на Плато на спине Нокс, встать перед этим гарнизоном и сказать: «Он со мной. Тронешь его — пожалеешь». Она хотела перевязывать его ожоги, варить ему горькие отвары, которые он будет ненавидеть, и слушать его ядовитые замечания. — Морриган? Голос над ухом заставил её подскочить. Кира резко открыла глаза. Над ней стоял старший библиотекарь, хмурый старик в очках с цепочкой. — Если вы пришли спать, то в казармах это делать сподручнее. Либо берите книгу, либо покиньте помещение. — Простите, господин, — Кира вскочила на ноги, пряча пылающее лицо. — Я... я просто задумалась. Она схватила с ближайшей полки первый попавшийся фолиант — «Токсичные споры северных болот» — и, прижимая его к груди как щит, почти бегом бросилась вглубь стеллажей, подальше от любопытных глаз. Найдя самый темный и дальний угол, она снова сползла на пол, зажав уши руками. "Пожалуйста, долети. Пожалуйста, не сорвись. Только выживи". Она сидела в тишине библиотеки, окруженная знаниями о мире, и чувствовала себя бесконечно, чудовищно одинокой. Время тянулось как смола. Каждый удар сердца отсчитывал секунды, которые он проводит там, в опасности. И она ничего, абсолютно ничего не могла сделать, кроме как ждать.

Слова в книге расплывались перед глазами. Кира в третий раз прочитала одну и ту же строчку о свойствах бледной поганки, но смысл так и не дошел до сознания. Она была одна в дальнем углу библиотеки. Снаружи давно начался учебный день, и гул коридоров сменился тишиной. Время тянулось невыносимо медленно. Каждая минута казалась вечностью. Терпение лопнуло. Она со злостью захлопнула тяжелый фолиант. Пыль взметнулась в лучах света. — Да сколько можно! — прошипела она в пустоту. Обида, страх, злость на Дэймона, злость на себя и на весь этот проклятый мир — всё, что она так долго сдерживала, прорвалось плотной. Кира уткнулась лбом в холодный дуб столешницы. Плечи затряслись в беззвучных рыданиях. Она пыталась отвлечься, пыталась думать о гербологии, о Миле, о чем угодно, кроме черных глаз и вкуса пепла на губах. Но это было бесполезно. Он был там. Один. Раненый. И, возможно, умирающий, пока она сидит здесь, прячась в пыли. — А-а-аргх! — крик вырвался сам собой, хриплый и отчаянный. Она с размаху ударила кулаком по тяжелой дубовой крышке стола. Боль в костяшках обожгла руку, но не принесла облегчения. Звук удара глухим эхом разнесся по пустому залу. Тишина. Кира тяжело дышала, прижимая к груди ушибленную руку. Она подняла голову, вытирая злые слезы тыльной стороной ладони, и замерла. — Надо же, какие люди. И одна. Голос раздался из-за соседнего стеллажа. Низкий, тягучий, полный яда. Кира медленно обернулась. Сердце, только что рвавшееся от тоски по Дэймону, мгновенно заледенело от страха другого рода. Из прохода между полками вышел Марик Войс. Высокий, широкоплечий, сын какого-то министерского чиновника. Он был из тех, кто считал, что положение родителей дает ему право топтать других. Он ненавидел Киру с первого курса — за её успехи в алхимии, за её северное происхождение и за то, что она ни разу не заплакала от его издевательств. Сейчас, видя её растрепанной, с красными глазами и сбитыми костяшками,

он выглядел как кот, перед которым поставили миску со сливками.— Что тебе нужно, Войс? — Кира заставила себя встать. Ноги были ватными, но она выпрямилась во весь рост, стараясь не показывать дрожи. Она обошла стол, создавая между ними преграду, и схватила со столешницы «Токсичные споры», делая вид, что просто выбирала книгу. — Да и какое тебе дело, что я здесь одна?Марик медленно обошел её стол. Он не торопился. Он наслаждался моментом. — Брось, Морриган, — он оперся бедром о край её стола, нависая над ней. — Мы же друзья. Я просто пришел проверить, всё ли в порядке с нашей лучшей ученицей. Слышал, тебя утром вызывали к ректору. А потом видели, как Нолан тащил тебя в лазарет. Он принялся, театрально сморщив нос.— И от тебя пахнет валерианой. Сильно нервничаешь? Совесть, может, замучила?Кира крепче сжала книгу. Её взгляд метнулся к выходу. До него было слишком далеко. — Не твоё дело, — отрезала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Уйди. У меня занятия.— О, я не задержу, — Марик улыбнулся, показывая слишком ровные зубы. Он сделал шаг вперед, сокращая дистанцию. — Просто интересно, что же такое могла натворить тихоня Морриган, что её ищет вся администрация? Может, ты что-то украла? Или... кого-то покрывала?Он сделал еще один шаг. Теперь их разделяло всего полметра. Он намеренно вторгся в её личное пространство, заставляя вжиматься в книжный шкаф.Кира почувствовала, как по спине пробежал холодный пот. Она не могла использовать магию — это сразу заметят. Она не могла закричать — это будет признанием слабости. Она посмотрела в его наглые глаза и поняла, что сейчас ненавидит его так же сильно, как пять минут назад скучала по Дэймону.— Я сказала, уйди, Войс, — процедила она, выставляя книгу перед собой, словно щит. — Пока я не попросила библиотекаря выставить тебя за нарушение тишины.Марик лишь рассмеялся. Он протянул руку и медленно, издевательски медленно, взял с полки книгу прямо у неё над головой, преграждая путь к отступлению.— А то что? Ударить меня? Как только что ударила стол? Бедная девочка совсем расклеилась. Тебе нужно, чтобы кто-то сильный тебя защитил. Например... я.Он наклонился к её лицу. Его дыхание пахло мятой и высокомерием. Кира вжалась в книжный шкаф так, что корешки книг впились ей в спину. Она была в ловушке.

Кира замерла, вжавшись в книжный шкаф. Запах мяты и дешевого одеколона Марика вызывал тошноту. Она дернулась в сторону, пытаясь проскользнуть мимо него, но он был слишком крупным, блокируя проход.— Я сказал, не смей, — прошипела она, пытаясь оттолкнуть его руку, которой он опирался о полку над её головой.В ответ Марик лишь рассмеялся. Это был тихий, мерзкий смешок человека, уверенного в своей безнаказанности. — А то что? Пожалуешься ректору? — он наклонился ниже, его лицо оказалось в опасной близости от её. — Или, может, тебе просто не хватает мужской руки? Говорят, ты вчера ночью бегала по кампусу...Он резко сократил оставшееся расстояние. Кира не успела ни отстраниться, ни закричать. Он грубо, почти жестоко впился в её губы. Это был не поцелуй, а утверждение власти — мокрое, требовательное, отвратительное. Инстинкт сработал быстрее мысли. Кира с силой, на которую только была способна, ударила его коленом в пах. Марик хрюкнул от неожиданности и боли, отшатнувшись назад. Она тут же размахнулась и вцепилась в его запястье, хлесткую пощечину открытой ладонью. Звук удара эхом разнесся по тихой библиотеке.— Не смей ко мне подходить, урод, — выдохнула она, тяжело дыша, её щека горела. — Пожалеешь.Марик прижал ладонь к горячей щеке. Его глаза, секунду назад маслянистые, налились холодной яростью. Он снова шагнул к ней, сжимая кулаки.— А ты ещё та горячая штучка, — процедила он, и его голос стал опасным. — Может, надо поласкать тебя вот так, чтобы ты поняла свое место? Он снова бросился на неё, пытаясь схватить за руки. Кира начала вырываться, пинаться, пытаясь дотянуться до шокового жезла на поясе, но его вес придавил её к полкам. Она чувствовала, как трещит ткань её формы. — Отпусти её. Немедленно.Голос прозвучал не громко, но в нем было столько ледяной стали, что даже Кира замерла. Дверь библиотеки, которую они не слышали из-за возни, была открыта. На пороге стоял Роланд. Его лицо, обычно веселое и открытое, сейчас было белым от ярости. Он не стал кричать или звать библиотекаря.

Он просто пошел вперед. Марик, услышав голос, отпустил Киру и обернулся, всё еще тяжело дыша и держась за промежность. — Роланд? Это не то, что ты... Он не договорил. Роланд подошел к нему вплотную, не говоря ни слова. Он просто схватил Марика за шиворот дорогого мундира и, используя инерцию и вес собственного тела, с силой швырнул его спиной в ближайший стеллаж. Посыпались тяжелые фолианты по некромантии. Марик врезался в дерево спиной, и стеллаж опасно накренился. Прежде чем сын чиновника успел вдохнуть, Роланд ударил. Коротко, без замаха, точно в солнечное сплетение. Марик сложился пополам, хватая ртом воздух и выпучив глаза. Роланд не дал ему упасть. Он снова сгреб его за грудки, приподнял над полом и швырнул в соседний ряд полок. Раздался грохот падающей древесины и хруст рвущейся ткани. Всё произошло за пять секунд. Роланд подошел к всё еще хрипящему Марику, который пытался встать на четвереньки, и присел на корточки рядом с ним. Он не бил его ногами — это было бы грязно. Он просто наклонился к самому его уху, так, чтобы Кира, стоявшая в шоке у стены, едва могла расслышать шепот. — Если я еще раз увижу тебя рядом с ней... — голос Роланда был тихим, ровным и абсолютно мертвым. — Если ты подойдешь к Морриган хоть на метр... очутишься у Нолана в лазарете. И я лично прослежу, чтобы он лечил тебя самыми болезненными методами. Понял меня? Марик судорожно кивнул, не в силах выдать ни слова. Роланд выпрямился. Он брезгливо отряхнул руки, словно коснулся чего-то грязного, и только потом повернулся к Кире. Его ярость мгновенно сменилась тревогой. Он быстро подошел к ней, осматривая с ног до головы. — Кир? Он... он тебе ничего не сделал? Ты цела? Кира стояла, прислонившись к спасительной полке, и смотрела на него. Её всё еще трясло от отвращения и адреналина. Она перевела взгляд с поверженного Марика на лицо Роланда — взъерошенное, с горящими глазами, но абсолютно решительное. Она не выдержала. Сделала шаг и уткнулась лбом ему в плечо, крепко вцепившись в его куртку. — Роланд... — выдохнула она, и голос сорвался. — Спасибо. Он не стал её утешать или гладить по голове. Он просто обнял её одной рукой, крепко прижал к себе, продолжая смотреть на Марика тяжелым взглядом, и тихо сказал: — Всё хорошо. Он больше не подойдет. Никогда.

Марик медленно поднялся на ноги, всё еще держась за живот. Его мундир был порван, на щеке наливался багровым цветом след от пощечины, а в глазах плескалась бессильная злоба. Он понимал, что проиграл этот раунд вчистую, и это унижало его больше, чем физическая боль. Он смерил Киру тяжелым взглядом, в котором читалось обещание долгой мести. Затем он развернулся, не сказав Роланду ни слова — признавая, что этот противник ему не по зубам, — и, пошатываясь, пошел к выходу. У самой двери он остановился. Не оборачиваясь, бросил через плечо: — Ещё увидимся, Морриган. Дверь библиотеки захлопнулась за ним с тихим стуком, который в наступившей тишине прозвучал как выстрел. Кира вздрогнула, словно её облили ледяной водой. Ноги подкосились. Вся ярость, которая держала её на ногах минуту назад, испарилась, оставив после себя лишь пустоту и дрожь. Роланд тут же оказался рядом. Он не стал тратить время на слова. Просто взял её за руку — крепко, уверенно, переплетая пальцы со своими. Его ладонь была теплой и сухой. — Пойдем, — тихо сказал он. — Ко мне. Здесь слишком пыльно. Он повел её к выходу, не отпуская руки. Кира шла за ним как во сне, механически переставляя ноги. Только когда дверь библиотеки осталась позади, а они оказались в гулком коридоре, где их шаги эхом отдавались от каменных стен, она почувствовала, что может дышать. Он завел её в свою комнату — небольшую, но уютную, в отличие от стерильных казарм кадетов. Здесь пахло старой кожей, табаком и чем-то неуловимо мужским. Роланд усадил её в единственное глубокое кресло, а сам остался стоять, прислонившись к столу и скрестив руки на груди. Он всё еще выглядел как хищник, охраняющий свою территорию. — Что он от тебя хотел? — спросил Роланд, когда молчание стало невыносимым. Его голос снова стал обычным, но в нем всё еще звенела сталь. Кира подтянула колени к груди, обхватывая их руками. Она смотрела на свои сапоги, не в силах поднять на него глаза от стыда и пережитого страха. — То же, что и всегда, — голос звучал глухо. — Он ненавидит меня. С первого курса.

Я... я тогда обошла его в алхимии на экзамене, а его отец — большая шишка в Министерстве. Марик решил, что я смухлевала. С тех пор он... он всё хочет меня уничтожить. Унизить. Сделать так, чтобы меня вышвырнули из Академии. Она подняла на него взгляд. В глазах стояли слезы — те самые, которые она не проронила перед Мариком. — Я так устала, Роланд. Я просто хотела, чтобы меня оставили в покое. Слеза сорвалась и покатилась по щеке. За ней вторая. Она пыталась сдержать их, закусив губу, но плотина прорвалась. Кира уткнулась лицом в колени и разрыдалась — тихо, беззвучно, содрогаясь всем телом. Это была реакция на всё: на побег Дэймона, на допрос у ректора, на страх перед Инквизицией и на грязные руки Марика на её плечах. Роланд молча подошел к креслу. Он не стал говорить «не плачь» или «всё будет хорошо». Он просто сел на корточки перед ней, взял её лицо в свои ладони — большие, теплые, с мозолями от тренировок — и заставил посмотреть на себя. — Не бойся, — сказал он твердо, глядя ей прямо в глаза. Его взгляд был абсолютно серьезным, без тени обычной насмешки. — Пока я здесь, он тебя не тронет. Никто не тронет. Кира вцепилась в его предплечья, ища опору. Она уткнулась лбом ему в плечо, позволяя себе просто выплакаться в его куртку, вдыхая запах безопасности. И в этот момент, в кольцо его рук, она поверила ему. Марик Войс был страшной, но понятной угрозой. А Роланд был её другом. И этого сейчас было достаточно.

Роланд всё еще держал её лицо в своих ладонях. Его большие пальцы осторожно стирали слезы с её щек. Кира смотрела на него сквозь влажную пелену — на его нахмуренные брови, на то, как он сосредоточенно, почти сурово пытался забрать себе её боль. Его взгляд опустился с её глаз на губы. Он задержался там на долю секунды. Затем он снова посмотрел ей в глаза, словно спрашивая разрешения. Кира затаила дыхание. Она видела, как он медленно, очень медленно наклоняется к ней. Его лицо становилось всё ближе. Тепло его дыхания коснулось её кожи. Это было бы так просто. Просто закрыть глаза. Просто позволить ему забрать остатки этого ужасного утра. Роланд был здесь, он был настоящим, он был безопасным. Он пах домом, а не пеплом и опасностью. Но в тот момент, когда его губы почти коснулись её, Кира увидела перед собой не веснушчатое лицо друга детства. Она увидела темную тень, горящие белым огнем глаза и почувствовала вкус пепла на языке. Роланд прижался к её губам. Поцелуй был мягким, осторожным, спрашивающим. Реакция Киры была мгновенной и инстинктивной. Она уперлась ладонями ему в грудь с такой силой, что он, не ожидавший сопротивления, отшатнулся назад и едва не потерял равновесие, схватившись за край стола. Они смотрели друг на друга. В глазах Роланда промелькнуло сначала удивление, а затем — резкая, режущая боль и обида. Он убрал руки от её лица, словно обжегся. — Прости, — выдохнула Кира. Голос был хриплым от слез и внезапной паники. Она вскочила с кресла, поправляя сбившийся воротник формы, лишь бы чем-то занять дрожащие руки. — Мне... мне надо идти. У меня лекция. Я опаздываю. Это была ложь. До лекции был еще час. Но она не могла здесь оставаться. Воздух в комнате внезапно стал густым и тяжелым, как перед грозой. — Кира... — начал он, но она не дала ему договорить.

Она метнулась к двери, схватившись за ручку. — Спасибо тебе, — бросила она через плечо, не оборачиваясь. Голос дрожал, но в нем была искренняя, звенящая благодарность. — Правда. Спасибо. За всё. Она рывком распахнула дверь и выскочила в коридор, не дожидаясь ответа. Роланд остался стоять посреди комнаты. Он слышал только грохот захлопнувшейся двери и свои собственные мысли. Он медленно провел пальцами по своим губам, которые всё ещё покалывало от её поцелуя. Он всё понял. Дело было не в Марике. И не в её нервном срыве. Дело было в том, что когда он поцеловал её, она отталкивала не его. Она отталкивала пустоту на его месте. Она целовала кого-то другого. Тяжело вздохнув, Роланд подошел к столу, взял с края забытый конспект и с силой швырнул его в стену. — Чтоб тебя, Морриган, — процедил он в пустоту. — Во что же ты опять вляпалась?

Коридоры Академии плыли перед глазами. Кира неслась по ним, не разбирая дороги, расталкивая зазевавшихся первокурсников. Слезы снова застилали взгляд, но теперь это были не слезы страха или обиды на Марика. Это была горькая, ядовитая смесь вины, тоски и бесси-

лия. Она завернула за угол в восточное крыло, где коридоры были уже и тише. Глаза выхватили глубокую каменную нишу — место, где раньше стояла статуя какого-то полководца, а теперь была лишь тень и холод. Кира нырнула туда, прижалась спиной к ледяному камню и сползла на пол. Всё навалилось разом. Руки Марика на плечах. Холодный, расчетливый поцелуй Дэймона в пещере. Растерянное, обиженное лицо Роланда. И пустота. Огромная, звенящая пустота там, где должен был быть он. Ей нужно было выплеснуть это. Легкие горели. Она сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони, чтобы не закричать. Но плотину прорвало. — ДЭЙМОН!!! Крик вырвался из неё, дикий, животный, полный такой боли, что эхо заметалось под высокими сводами Академии. Она звала его так, словно он стоял за поворотом, словно он мог услышать её через горы и лиги, сквозь камень и магию. Она кричала на всю Академию Аркас. Где-то вдалеке хлопнула дверь. Послышались шаги. Кира зажала рот ладонью, задыхаясь и давясь рыданиями. Она сидела в темноте ниши, пытаясь стать невидимой, стать камнем, раствориться в тенях. Марик Войс отошел от лазарета всего на пару сотен метров, когда тишину коридора разорвал этот вопль. Он остановился. Прислушался. Крик был женским, полным агонии. И он был ему знаком. Слишком знаком. Злость на Роланда и жжение на щеке отошли на второй план. В Марике проснулся охотничий инстинкт. Он тихо, бесшумно, как его учили на факультативах по выслеживанию, пошел на звук. Он дошел до восточного крыла. Ниша. Он заглянул за угол, сжав кулаки в предвкушении. Там было пусто. Только холодные камни и соринка, танцующая в луче света. Кира уже успела убежать, испугавшись собственного крика. Марик медленно вышел из-за угла. На его лице играла жестокая, триумфальная усмешка. Он провел пальцем по своей горящей щеке, а затем коснулся губ, словно всё еще чувствуя вкус её паники. Он посмотрел на пустую нишу, затем на каменный пол, где еще таял след от её ботинка. — Теперь понятно, по ком ты так сохнешь, Морриган, — тихо прошептал он в тишину коридора. Он достал из кармана форменный платок и аккуратно промокнул разбитую губу. Дэймон Блэквуд. Пропавший без вести. Предатель. Человек, которого боится сам Нолан. Марик усмехнулся. Теперь у него был рычаг. Теперь у него был ключ к её уничтожению. Не нужно её бить или унижать — нужно просто сдать её соучастничество. Связь с Блэквудом — это не исключение из Академии. Это трибунал. Он развернулся и пошел в сторону административного корпуса. У него появилось очень важное дело. Нужно было написать письмо. Отцу.

Крик ударил по стенам столовой, заставив замереть десятки вилок над тарелками. Звук был таким пронзительным, полным такого чистого отчаяния, что пробил толстые каменные стены обеденного зала и достиг самых дальних столов. Разговоры оборвались на полуслове. Преподаватели, сидевшие за преподавательским столом, перестали есть и переглянулись. Кадеты замерли, сжимая в руках ложки с овсяной кашей. — Это... это женский голос, — прошептал кто-то за соседним столом. — Звучит так, будто кого-то режут, — ответил другой, бледнея. — Тихо вы! — шикнула староста курса, но в её голосе не было обычной строгости, только страх. Шепот покатился по рядам, как лесной пожар. Имя никто не называл, но все чувствовали — случилось что-то из ряда вон выходящее. Что-то, что не вписывается в рутину утренней поверки и гербологии. Мила сидела за их обычным столом у окна. Она только что поднесла ко рту булочку с корицей, которую взяла для Кира, когда звук вонзился ей прямо в грудь. Она знала этот голос. Она знала эту боль. Рука Милы дрогнула. Булочка упала на тарелку. Она не слышала испуганных шепотков соседей. Она слышала только этот крик. «Кира». Мила медленно встала из-за стола. Она двигалась механически, словно кукла. Оставила поднос с нетронутой едой. Развернулась и пошла к выходу из столовой, расталкивая столпившихся в дверях кадетов. Она шла против течения, её лицо было бледным и сосредоточенным. Она не пошла на лекцию. Она не пошла в библиотеку искать подругу. Она пошла в единственное место, где Кира могла бы попытаться спрятаться. В их комнату. Мила взлетела по лестнице, перепрыгивая через две ступени. Её шаги гулко отдавались в тишине жилого крыла. Она добежала до их двери, даже не запыхавшись — адреналин гнал её вперед. Дверь была приоткрыта. — Кира? —

позвала она тихо, толкая створку. В комнате было темно — тяжелые шторы задвинуты, пропускающая лишь тонкую серую полоску света. Пахло озоном и... лекарствами? Кира лежала на своей кровати, лицом в подушку. Всё её тело содрогалось в беззвучных рыданиях. Плечи ходили ходуном, а пальцы так вцепились в одеяло, что побелели костяшки. Мила на мгновение замерла на пороге, боясь вздохнуть. Она видела Киру разной: злой, уставшей, язвительной. Но такой — сломленной, уничтоженной — она не видела её никогда. Мила беззвучно подошла к кровати. Она не стала её трогать или гладить. Она просто села на край матраса, взяла ледяную руку подруги в свои теплые ладони и стала ждать, пока утихнет буря.

Кира продолжала содрогаться, вжимаясь лицом в подушку, пока дыхание не начало превращаться в хрипы. Мила всё так же держала её руку, не говоря ни слова, просто давая этому шторму пройти. Наконец, Кира резко села на кровати. Она подтянула колени к груди, обхватила их руками и уставилась в стену невидящим взглядом. Её лицо было мокрым от слёз, а глаза — красными и пустыми. — Мне так плохо, Мила, — прошептала она, и голос её сорвался. Она потянулась к подруге и крепко обняла её, вцепившись в форменную куртку, словно та была единственным плотом в бушующем море. — Я не могу есть. Я не могу даже уснуть. Я просто лежу и думаю... Что с ним? Где он? Долетел ли он? Ранен ли он снова? Я не знаю, что с ним происходит, и от этого... от этого разрывается голова. Мила обняла её в ответ, крепко, подругески, давая опору. Она гладила Киру по спине, по растрепанной косе, молча принимая на себя всю тяжесть её тайны. Она не спрашивала, кто этот «он». Она просто знала, что это не Роланд. Когда Кира немного отстранилась, вытирая нос рукавом, Мила тяжело вздохнула. Она посмотрела на подругу, на её измученное лицо и поняла, что жалеть её сейчас нельзя. Жалость её утопит. — Так, — Мила хлопнула себя по коленям и деловито поправила манжеты. — Хватит изображать из себя героиню трагичной баллады. У тебя лицо такое, будто ты лично похоронила весь Орден Пепла. Кира шмыгнула носом, непонимающе глядя на неё. — Вставай, — скомандовала Мила, спрыгивая с кровати. — Мы идем в столовую. Ты не ела со вчерашнего дня, а Вэнс, если узнает, что его лучшая ученица пропустила завтрак из-за какого-то парня, заставит тебя пересаживать мандрагоры в полнолуние. Я не хочу помогать тебе копать. — Я не хочу есть, — вяло попыталась возразить Кира. — А тебя никто не спрашивает, — Мила уже открывала шкаф, доставая чистую форму. — Умывайся. Живо. Кира нехотя поплелась к умывальнику. Холодная вода немного привела её в чувство. Когда она вернулась, Мила уже сидела на её кровати, болтая ногами. — А теперь слушай меня, — сказала Мила, когда Кира села рядом. — Я знаю, как выгнать из твоей головы этих черных драконов. Помнишь первый день, когда мы сюда приехали? Кира замерла с полотенцем в руках. Вопрос был таким... обычным. — Нам было по двенадцать, — продолжила Мила, и её глаза заблестели от смеха. — Мы же тогда ненавидели друг друга. Ты стояла такая важная, в новенькой форме, а я случайно наступила на подол твоего платья, и мы покатались с лестницы прямо под ноги декану. Уголки губ Киры дрогнули. — Ты облила меня чернилами, — тихо напомнила она. — Ты назвала мою косу крысиным хвостом! — парировала Мила. — А потом, на гербологии, когда ты увидела тот огромный, злой мухомор, ты закричала так, что у профессора Вэнса парик дыбом встал. Ты спряталась за меня и шептала, что он хочет тебя съесть. Кира фыркнула. А потом тихо, неуверенно хихикнула. — Он правда был похож на злой мозг, — признала она. — Вот! — Мила торжествующе ткнула её пальцем в плечо. — Вот она, моя Кира. А то сидит тут, страдает. Думаешь, твой Блэkv... этот твой парень хотел бы видеть тебя такой? Скулящей в подушку? Да он бы предпочел, чтобы ты ему голову оторвала, чем вот это вот всё. Кира посмотрела на подругу. В её взгляде всё еще была боль, но сквозь неё пробился знакомый, упрямый огонек. Она представила Дэймона — язвительного, холодного, с его вечной усмешкой. Представила, как бы он скривился, увидев её слезы. — Он бы сказал, что я сентиментальная дура, — тихо сказала Кира. — Именно! — просияла Мила. — А теперь надевай сапоги. Мы идем заедать твой стресс булочками с корицей. И если ты не съешь хотя бы две, я расскажу Роланду, что ты

тайно влюблена в профессора по зельеварению. Кира не удержалась и рассмеялась — громко, искренне, впервые за это утро. Она толкнула Милу в плечо, хватая свои сапоги. — Ты ужасный друг, Мила Войс. — Знаю, — ухмыльнулась та, открывая дверь. — Но кто-то же должен спасать тебя от самой себя. Пошли, «сентиментальная дура». Булочки сами себя не съедят.

Смех, вызванный подколом Милы, словно сдернул с плеч Киры невидимый груз. Боль в груди не ушла, но она перестала быть острой, превратившись в глухой, ноющий фон. — Ладно, твоя взяла, — Кира вытерла последние следы слез и решительно направилась к шкафу. — Но если Вэнс спросит, почему у меня глаза красные, я скажу, что это аллергия на твои духи. — Валяй, — фыркнула Мила, доставая свою сумку. — Только учти, они пахнут лавандой, а от неё у тебя сыпь. Так что версия так себе. Кира быстро сменила испачканную утренним приключением форму на чистую. Движения стали привычными, механическими. Шнуровка сапог, заколка для волос, форменный плащ. Когда она застегнула последнюю пуговицу, она почувствовала себя чуть более защищенной. Броня кадета Академии снова была на месте. — Готова? — Мила уже стояла у двери, нетерпеливо постукивая носком туфли. — Идем, — кивнула Кира. — Иначе ты съешь все булочки по дороге. Они вышли в коридор. Вечерний гул Академии — звук сотен голосов, шарканье ног и хлопанье дверей — подействовал на Киру успокаивающе. Это был мир, где всё шло по правилам. Где колокол звонил вовремя, а еда в столовой была одинаково пресной для всех. Они спустились на этаж столовой. В воздухе уже витал густой запах тушеного мяса, капустного рагу и свежей выпечки. У раздаточных столов выстроилась очередь из кадетов. Гомон стоял такой, что приходилось повышать голос. Кира и Мила встали в конец очереди, взяв по подносу. — Так что будем делать на гербологии завтра? — спросила Мила, накладывая себе пюре. — Если Вэнс начнет спрашивать про болотную плесень, я свалю всё на тебя. — Ты её и так не отличишь от тины, — тихо ответила Кира, стараясь говорить так, чтобы их слышали только они двое. Они снова погрузились в свой привычный мир подколов и общих секретов. — Тише вы, стратеги, — раздался сзади насмешливый, чуть ленивый голос. — Шепчетесь между собой и без меня. Это как-то невежливо. Кира и Мила одновременно обернулись. Позади них, прислонившись к столбу и скрестив руки на груди, стоял Макс Ривелл. Высокий, с вечно взъерошенными темными волосами и улыбкой от уха до уха. Он был их третьим мушкетером с первого дня, мастером по проказам и экспертом по обходу правил. — Макс! — выдохнула Мила, ткнув его локтем в бок. — Явился. Мы уж думали, тебя опять поймали на чердаке с запретным кристаллом. — Почти, — ухмыльнулся Макс, потирая бок. — Совещание у старост. Декан решил прочитать нам лекцию о «ценности командной работы». Я чуть не уснул стоя. Еле сбежал. Кира, которая до этого момента просто смотрела на друга, чувствуя, как тяжесть в груди окончательно растворяется в тепле этой встречи, тоже улыбнулась. — Привет, Макс, — она кивнула ему. — На твоём месте я бы притворилась больной. У тебя вид человека, которого пытали статистикой. Макс театрально прижал руку к сердцу. — Кира Морриган, ты разбиваешь мне сердце своей жестокостью. Я пришел сюда за утешением и едой, а получаю критику. Они все трое рассмеялись. Очередь чуть продвинулась, и они сделали шаг вперед. В этот момент, стоя между Милой, которая бодро ругала Макса за опоздание, и самим Максом, который уже строил планы, как стащить лишний десерт, Кира почувствовала себя почти нормально. У неё всё еще была тайна, которая могла стоять ей головы. Где-то далеко Дэймон летел навстречу опасности. Но прямо здесь, прямо сейчас, у неё были друзья. И этого было достаточно, чтобы пережить этот ужин.

Они подхватили свои подносы — Мила нагрозила их так, что тарелки опасно накренились, — и двинулись вглубь обеденного зала. Макс, как обычно, шел рядом, без умолку рассказывая какую-то байку про то, как декан застал его в теплице с кактусом, который, по словам профессора, «не должен был цвести». Кира слушала его вполуха, механически кивая. Смех друзей согревал её, но внутри всё еще зияла пустота, которую не могли заполнить ни шутки Макса, ни запах свежей выпечки. Она шла, глядя прямо перед собой, высоко подняв

подбородок — идеальная кадетская выправка. Они заняли свой любимый стол в самом дальнем углу зала. Отсюда открывался вид на широкое окно-бойницу, за которым уже сгущались синие сумерки, и можно было контролировать вход в столовую, не поворачивая головы. Макс с грохотом поставил свой поднос, плюхнулся на скамью напротив Киры и тут же потянулся к её булочке с корицей. — Руки прочь, Ривелл, — Кира шлепнула его по пальцам десертной ложкой, но без особого энтузиазма. Макс отдернул руку, театрально дуя на пальцы, но его улыбка вдруг померкла. Он перестал жевать и внимательно, слишком внимательно посмотрел на Киру. Мила, уже с набитым ртом, что-то промычала, указывая на рагу, но Макс её проигнорировал. Он подался вперед, упираясь локтями в стол, и прищурился. — Эй, — его голос стал тише, серьезнее, потеряв всю свою обычную клоунскую интонацию. — Ты плакала. Кира замерла с поднятой кружкой чая. Она медленно опустила её на стол, стараясь не звякнуть. Её сердце пропустило удар. Она думала, что умылась достаточно тщательно. — С чего ты взял? — она попыталась выдать свою самую язвительную усмешку, но знала, что она выглядит жалко. — Пыль в библиотеке. Старые книги. Макс склонил голову набок. Он был лучшим следопытом в их компании и знал ложь Киры лучше, чем она сама. — Пыль в библиотеке не делает веки такими опухшими, Морриган. И не оставляет вот это, — он чуть наклонился и, прежде чем она успела отстраниться, аккуратно коснулся подушечкой большого пальца края её нижнего века. — Размазанную тушь. Вернее, её отсутствие. Кира инстинктивно дернулась назад, вжимаясь в спинку скамьи. Его прикосновение было не интимным, а цепким, как у врача. — Что случилось? — его голос стал еще тише, почти требовательно. Он смотрел ей прямо в глаза, и этот взгляд был тяжелее, чем выговор ректора. — Кто-то обидел? Мила, наконец проглотив кусок, тоже повернулась к Кире. Веселье на её лице сменилось тревогой. Она перевела взгляд с подбитого глаза Марика (о котором она знала) на лицо подруги. Кира посмотрела на Милу, потом на Макса. На их открытые, честные, обеспокоенные лица. Лгать им было физически больно. Они были её семьей. Но сказать правду — значит втянуть их в это. Подставить под удар Инквизиции. Макс был слишком умен, а Мила слишком предана. Если они узнают про Дэймона, они попытаются помочь, и тогда... — Это... Марик, — выдавила она. Это была полуправда, самая безопасная ложь из всех. — Мы столкнулись в библиотеке. Он... он полез ко мне. Роланд его просто выкинул. Мила гневно сжала вилку. — Этот урод. Я же говорила, что он не угомонится. Макс же не поверил ни единому слову. Он видел Киру в драке, видел её после наказания. Сейчас в её глазах был не страх перед задирой. Там был ужас. Ужас перед чем-то огромным и неизбежным. — Марик — идиот, но он не заставляет тебя трястись так, будто ты увидела призрака, — Макс прищурился еще сильнее. — Кир, я знаю тебя десять лет. — Что на самом деле, случилось? Кира открыла рот, чтобы соврать что-то еще, но поняла, что не может. Слова застряли в горле. Она просто смотрела на него, и в её глазах плескалось такое отчаяние, что Макс осекся. Его гнев на Марика мгновенно сменился холодным пониманием: дело не в Марике. Дело в чем-то гораздо хуже. — Понятно, — тихо сказал Макс. Он откинулся на спинку скамьи и скрестил руки на груди, становясь неожиданно серьезным и взрослым. — Ясно. Мы не будем об этом говорить здесь. Ешь давай. Булочка стынет. Он больше не задавал вопросов. Но Кира видела: он всё понял. И теперь он будет смотреть в оба.

Кира медленно кивнула, всё еще не в силах поднять на него взгляд. Она взяла ложку и начала бездумно перемешивать рагу, хотя есть всё еще не могла. Напряжение в столовой вдруг стало физически ощутимым — ей казалось, что все эти кадеты вокруг слышат, как колотится её сердце. Макс больше не улыбался. Он доел свою булочку, вытер руки и подался вперед через стол, упираясь локтями в дерево. Он приблизился к ней так, что их лица оказались в тени, отбрасываемой его корпусом, отсекая лишние уши. — Слушай меня внимательно, Морриган, — его голос стал низким, лишенным обычной насмешки. Это был голос старшего, голос командира. — Я не знаю, что на самом деле произошло в той библиотеке и почему у тебя такой вид, будто ты только что похоронила всю свою семью. И сейчас я не буду спрашивать. Кира наконец

подняла на него глаза. В его взгляде не было ни жалости, ни праздного любопытства. Только холодная, тяжелая решимость.— Но я вижу одно, — продолжил он, и его голос опустился до шепота, который слышала только она. — Ты сейчас не в себе. Ты рассеянна. А в коридорах, когда здесь маячит Марик Войс, рассеянность — это роскошь, которую мы не можем себе позволить. Он чуть прищурился, и в его глазах блеснул опасный огонек.— Поэтому слушай приказ. С этого момента ты больше не ходишь по Академии одна. Вообще. В туалет, в библиотеку, на гербологию — везде. Ты либо со мной, либо с Милой. Если нас нет в поле зрения, ты сидишь в казарме и вышиваешь крестиком. Поняла? Мила, слушавшая это с набитым ртом, активно закивала, чуть не подавившись. Кира хотела возмутиться. Она — кадет четвертого года, а не беспомощная первокурсница. Она сама может за себя постоять. Но слова застряли в горле. Она посмотрела на лицо Макса и поняла: он не шутит. Он действительно напуган. И этот страх за неё трогал её гораздо больше, чем любая угроза Марика.— Макс, я...— Никаких «но», — отрезал он, но уголки его губ едва заметно дрогнули, возвращая привычную ухмылку. — Это не обсуждается. Я назначаю себя твоим личным, круглосуточным телохранителем. Будешь сопротивляться — привяжу к себе веревкой прямо посреди столовой. Мне плевать, что подумают старосты. Он откинулся назад, снова становясь расслабленным, и потянулся за её булочкой с корицей, которую она так и не тронула.— А теперь ешь. Приказы командира не обсуждаются, кадет. Особенно если командир собирается съесть твой десерт, пока ты тут раскисаешь. Кира смотрела на него несколько секунд, а потом из её груди вырвался тихий, дрожащий смешок. Это было так похоже на Макса — превратить угрозу Инквизиции и её личный конец света в абсурдную сцену с веревкой и кражей булочки.— Только попробуй, Ривелл, — пробормотала она, но впервые за утро уголки её губ по-настоящему, пусть и слабо, поползли вверх. — И я скормлю тебя мандрагорам Вэнса.— Слышала бы это госпожа главный лекарь, — хмыкнул Макс, откусывая её булочку. — Она бы дала тебе диплом целителя за такую изобретательность. Мила закатила глаза, но тоже улыбнулась. Тяжелая атмосфера за столом начала рассеиваться, как утренний туман. У Киры всё ещё болела душа, но теперь она знала: спина у неё прикрыта. И пока Макс рядом, Марик Войс будет последней из её проблем.

Разговор за столом начал понемногу возвращаться в привычное русло. Макс, успешно стащивший половину булочки Киры, уже травил байку про то, как профессор Вэнс перепутал сонный отвар с бодрящим. Кира даже смогла выдавить улыбку, чувствуя, как тяжелая хватка паники наконец-то ослабевает. Именно в этот момент тяжелые дубовые двери столовой с грохотом распахнулись. Разговоры оборвались мгновенно. Вошел ректор Элиас. Он выглядел еще более уставшим и мрачным, чем утром. Его взгляд скользил по залу, не задерживаясь ни на ком, пока он шел к преподавательскому столу.— Внимание, кадеты, — голос Элиаса, усиленный магией, прокатился по залу, заставив всех встать. — С завтрашнего дня в расписание Академии вносятся изменения. В связи с... производственной необходимостью... к нам поступает новый инструктор по спецподготовке. Встать. Кадеты послушно вытянулись по стойке смирно. Кира, Мила и Макс тоже вскочили, автоматически расправляя плечи. Элиас отступил в сторону, указывая на вход.— Знакомьтесь. Гаррик Фирц. В столовую вошел мужчина. Кира почувствовала, как ложка выскальзывает из её внезапно онемевших пальцев. Мужчина был... пугающе знаком. Высокий, широкоплечий, с той же хищной грацией, которая была только у одного человека, которого она знала. Темные, взъерошенные волосы падали на лоб. Смуглая кожа туго обтягивала скулы. И когда он на секунду распахнул форменный плащ, Кира увидела на его предплечье сложный узор — не татуировку рода, а личный шифр боевого мага. Он был похож на Дэймона так, как один клинок похож на другой, вышедший из той же кузни. Но если Дэймон был огнем, то от этого мужчины веяло могильным холодом и закаленной сталью. Гаррик Фирц прошелся вдоль замершего строя кадетов. Его взгляд был тяжелым, сканирующим, словно рентген. Он смотрел не на форму и не на выправку. Он смотрел в лица, в глаза, словно оценивая их души. Большинство кадетов опускали взгляд под этим давлением. Он про-

шел мимо Милы. Мимо Макса, который инстинктивно подобрался, готовый к драке. Его взгляд остановился на Кире. Время словно замедлилось. Он смотрел ей прямо в глаза. В его взгляде не было узнавания, не было тепла. Было лишь холодное, оценивающее любопытство хищника, изучающего новую жертву. И затем он подмигнул ей. Быстро, почти неувидимо. Левый уголок его рта дернулся вверх. Для всех остальных это выглядело как приветствие. Но Кира, стоявшая в первом ряду, увидела в этом жесте что-то темное, интимное и угрожающее. Это было не подмигивание друга. Это был знак: «Я знаю твой секрет». Кира замерла. Кровь отхлынула от её лица. Она не могла вдохнуть. Ей казалось, что она сейчас рухнет на пол. Гаррик отвел взгляд и прошел к преподавательскому столу. — Достаточно церемоний, — его голос был грубым, как скрежет металла по камню. В нем не было ни капли академической вежливости Элиаса. — Ректор, я осмотрел помещение. Завтра в шесть утра. Построение на плацу. Он обвел тяжелым взглядом притихший зал. — И если кто-то опоздает хотя бы на секунду... — он сделал паузу, обводя кадетов глазами, — отправлю на тренировочный зал. Лично со мной. В спарринге. До потери сознания. В столовой повисла мертвая тишина. Элиас выглядел так, будто хотел что-то возразить, но лишь поджал губы. Гаррик Фирц не был обычным преподавателем. Он был оружием, которое Академия зачем-то привела в свои стены. Мужчина развернулся и, не сказав больше ни слова, вышел из зала. Грохот закрывшихся дверей эхом отразился от каменных стен. Кадеты стояли неподвижно еще несколько секунд. А затем зал взорвался испуганным, приглушенным шепотом. Макс посмотрел на Киру. Её лицо было белым как мел, а пальцы так сильно сжимали край стола, что побелели. — Кир? — тихо позвал он. — Ты его знаешь? Кира медленно покачала головой, не в силах произнести ни слова. Она не знала этого Гаррика Фирца. Но её дракон, Нокс, в её голове внезапно зарычал. И этот рык был полон чистой, незамутненной ярости.

Шепот в столовой нарастал, как прибой, но Кира его не слышала. Она смотрела на закрытую дверь, за которой исчез Гаррик Фирц, и чувствовала, как ледяной холод сковывает позвоночник. Макс тронул её за плечо. — Эй. Кира. Ответь. Ты его знаешь? Ты сейчас выглядишь так, будто увидела саму Смерть. Кира вздрогнула, словно очнувшись от транса. Она перевела взгляд на встревоженное лицо Макса, затем на Милу, которая кусала губу, глядя на подругу. — Мне... мне нужно в уборную, — прохрипела она, отодвигая стул. Ноги были ватными. Она вышла из столовой, не дожидаясь друзей. Ей нужен был воздух. Ей нужно было пространство, где нет людей. Она добежала до пустого коридора у Северной башни, прижалась лбом к холодному стеклу окна и сделала судорожный вдох. «Нокс», — мысленно позвала она, вкладывая в этот зов всю свою панику. — «Нокс, ты слышишь меня?» В ответ в затылке мгновенно потяжелело. Ментальная связь установилась почти болезненно резко. «Что это было, Кир? — про- рокотал дракон. Его голос вибрировал от сдерживаемой ярости. — Этот запах... запах пепла и старой крови. Он был там».* — Ты его знаешь? — выдохнула Кира вслух, глядя на свое отражение в темном стекле. — Что это за человек, Нокс? Почему ты так зарычал? *«Да, знаю, — голос дракона стал низким, вибрирующим от ненависти. — Это из отряда Элиты. "Пепельные клинки".» Кира замерла. Пальцы, которыми она держалась за подоконник, онемели. — Что? — прошептала она, хотя дракон прекрасно слышал её мысли. — Что ты сказал? «Он носил их метку, — подтвердил Нокс. — Я чувствую клеймо командира. Он был одним из них». Кира почувствовала, как пол уходит из-под ног. Она сползла по стене на холодный каменный пол, обхватив голову руками. «Пепельные клинки» мертвы. Так сказал Дэймон. Так сказал Слепой Ярость. Дэймон — единственный выживший. — Но... почему ты решил, что это именно он? — её мысль путалась. — Там же были десятки всадников. Прошло полгода. Ты не можешь знать всех в лицо, ты же не видел... «Я не видел. Я почувствовал, — отрезал Нокс, и его ментальный тон не терпел возражений. — У каждого дракона и всадника есть свой "вкус" магии. Я чую его пепел. Он пахнет так же, как Блэквуд. Как Пустота. Он был с ним. Он — часть этого».* Кира зажмурилась. Это было невозможно. Если Гаррик Фирц — один из «Пепельных клинков», и он

здесь, в Академии, живой и здоровый, в то время как Дэймон считается предателем... — Нокс, — её мысль стала панической. — Если он жив, значит... значит, Дэймон лгал мне? Никакой ловушки не было? Он просто... «Будь осторожнее с ним, Кир, — голос дракона оборвал её панику, став неожиданно тяжелым и серьезным. — Я не знаю, враг он или союзник. Но он знает правду. И он знает, что ты связана со Слепым». Кира вжалась спиной в холодную стену. Холод камня отрезвлял. — Что мне делать? «Ничего. Жди. И не смотри ему в глаза дважды, — пророкотал Нокс. — Я рядом». Связь оборвалась так же резко, как и началась. Тяжесть в затылке исчезла, оставив после себя звенящую пустоту и абсолютный, леденящий ужас. Кира сидела на полу в темном коридоре, обхватив колени, и смотрела в одну точку. Гаррик Фирц. Он не просто новый инструктор. Он — призрак из прошлого Дэймона. И он только что подмигнул ей, давая понять, что игра началась.

Макс проводил Киру взглядом, пока её спина не скрылась в дверях столовой. Он нахмурился, отодвинул тарелку с недоеденным рагу и встал. — Ты куда? — спросила Мила, запивая обед компотом. — В уборную. Она же туда пошла, — бросил Макс через плечо, уже направляясь к выходу. Он вышел в коридор, быстро прошел мимо дверей в уборную для кадетов. Там было тихо. Он прошел дальше, к лестнице на Северную башню. В конце коридора, у высокого окна, он увидел темный силуэт, сидящий на полу. Макс замер. Он знал Киру с детства. Он знал, как она двигается, когда злится, как — когда устала, и как — когда ей больно. Сейчас она сидела, обхватив колени, и это была поза абсолютной, глухой защиты. «Что-то не то с Кирой, — пронеслось у него в голове. — Это не Марик. Марик её злит, она огрызается. Сейчас она... прячется». Он бесшумно подошел ближе, но она его не услышала. Её глаза были стеклянными, она смотрела в окно, но вряд ли видела сгущающиеся сумерки. Макс тихо вздохнул и вернулся в столовую. Мила уже закончила есть и теперь нервно теребила салфетку, поглядывая на дверь. — Ну где она? — спросила она, как только Макс сел обратно. — Я пойду к ней. Она же там уже полчаса сидит, наверное, плачет. Макс потер переносицу, пытаясь сформулировать мысль. Он посмотрел на Милу. Она была его лучшим другом, но сейчас он видел, что она тоже растеряна. — Мила, — Макс подался вперед через стол, понижая голос до шепота. Его обычное шутливое лицо исчезло, сменившись серьезным, почти жестким выражением. — Посмотри на меня. Мила подняла на него встревоженные глаза. — Скажи мне, что происходит с Кирой, — его голос стал требовательным. — Я знаю, что это не из-за Войса. Она бы врезала ему и пошла дальше. Но она белая как стенка уже с самого утра. Сначала этот крик в коридоре... потом этот вид, будто она привидение увидела. Что с ней случилось за эти сутки? Что вы двое скрываете? Мила открыла рот, чтобы привычно отшутиться или сказать «ничего», но слова застряли в горле. Она посмотрела в глаза Макса. Он не злился. Он был в панике. Она перевела взгляд на свою тарелку. Как рассказать ему? Как сказать: «Привет, наш лучший друг, возможно, помогает сбежавшему государственному преступнику, которого завтра сделают героем, а сегодня к нам в Академию пришел его, возможно, мертвый сослуживец, который подмигивает Кире, и у неё в голове живет говорящий дракон? — Я... я не могу, Макс, — прошептала она, и в её голосе прозвучало отчаяние. — Я бы хотела. Но это не моя тайна. Если бы она хотела, чтобы ты знал, она бы сама сказала. Макс откинулся на спинку скамьи и провел рукой по волосам, уставившись в потолок. — То есть вы вляпались во что-то настолько паршивое, что даже мне нельзя знать? — в его голосе прорезалась старая, знакомая обида. — Кири и Мила против всего мира? Отлично. — Это не так! — Мила схватила его за руку. — Макс, просто... пообещай мне. Пообещай, что будешь рядом с ней. Не отходи ни на шаг. Особенно завтра. Особенно если этот... Фирц... начнет к ней лезть. Макс посмотрел на её умоляющее лицо, затем на свои руки. Он хотел знать правду. Он ненавидел секреты. Но он видел страх в глазах Милы. Это был не просто страх за подругу. Это был страх перед чем-то огромным. — Я и так не собирался, — буркнул он, выдергивая руку и вставая. — Кто-то же должен следить, чтобы она не упала в обморок на построении. Он развернулся и быстрым шагом пошел к выходу, направляясь к

Северной башне, где всё еще сидела Кира. Мила осталась одна, глядя ему вслед с тяжелым сердцем. Она сделала единственное, что могла — передала его под охрану самого упрямого человека, которого знала.

Мила проводила взглядом широкую спину Макса, пока он не скрылся за поворотом коридора. В столовой стало шумно — кадеты, оправившись от шока, начали обсуждать нового инструктора. Кто-то уже заключал пари, сколько новичков Фирц выведет из строя в первый же день. Мила не слышала их. Она медленно допивала остывший чай, машинально водя ложкой по дну чашки. Мысли в голове были тяжелыми и вязкими. Гаррик Фирц. Она видела его всего минуту, но этого хватило. От него веяло такой же опасной, подавляющей силой, как от Дэймона, но если Дэймон был хаотичным пожаром, то Фирц был ледяным лезвием гильотины. Предсказуемым и неотвратимым. «Завтра построение, — думала она, глядя в никуда. — Он будет смотреть на всех нас. На неё». Мила сжала кулак под столом. Она ненавидела это чувство — беспомощность. Когда твоя лучшая подруга тает на глазах, а ты не можешь даже спросить «почему», потому что она просто не ответит. — Нет, — тихо, но твердо сказала Мила сама себе, глядя на свое отражение в ложке. — Ничего, подруга. Мы прорвемся. Мыждемся твоего Блэкуда. При мысли о Дэймоне в её груди шевельнулась ревность — горькая, едкая. Кира смотрела сквозь всех, думая только о нем. Но сейчас это было неважно. — И я тебя одну не оставлю, пока его нет, — закончила Мила, бросая на стол пару монет за чай. Она встала, поправила ремень сумки и решительно направилась к выходу. Если Макс взял на себя роль телохранителя, она возьмет на себя роль якоря. Кто-то должен держать Киру в реальности, пока та снова не улетела мыслями в свои пепельные пустоши. Макс нашел Киру там же, где и ожидал — в нише у окна Северной башни. Она всё так же сидела на полу, обхватив колени. Она даже не пошевелилась, когда он подошел и сел рядом, прислонившись к холодному камню. Он ничего не говорил, просто достал из кармана яблоко, протер его о рукав и молча протянул ей. Кира вздрогнула, словно просыпаясь. Она взяла яблоко дрожащими пальцами, но есть не стала, просто сжимая его в ладонях. Они сидели в тишине, нарушаемой лишь гулом ветра за высокими окнами башни. Макс смотрел на профиль Киры. Он видел, как она борется с собой — её челюсть была плотно сжата, но плечи всё еще дрожали. Тяжелые шаги в коридоре заставили обоих поднять головы. В арке башни появилась Мила. Она остановилась, увидев их — сгорбленного Макса и застывшую Киру. В её взгляде мелькнула боль, но она тут же спрятала её за привычной, немного нервной улыбкой. — Яблоко воруете без меня? — бодро спросила она, подходя и садясь на пол с другой стороны от Киры, нарушая симметрию одиночества. — А мне оставили? Кира наконец моргнула. Она перевела взгляд с Макса на Милу, и в её глазах, всё еще красных и опухших, на секунду проскользнуло что-то похожее на облегчение. Она не была одна. — Оно немытое, — хрипло сказала Кира, протягивая яблоко Миле. — Я переживу, — Мила взяла фрукт, но положила его на пол между ними. — Сидим, значит. Провожаем закат. Отличный план на вечер. Макс хмыкнул, но ничего не сказал. Он просто чуть подвинулся, давая Миле больше места, и снова уставился в окно. Трое кадетов Академии Аркас сидели в темноте старой башни, плечом к плечу. Внешне они выглядели как обычно — уставшие студенты. Но между ними сейчас выросла невидимая стена. Они знали, что завтрашний день изменит всё. И они собирались встречать его вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.